

Екатерина де Гук Дохерти

ЮРОДИВЫЕ  
ХРИСТА РАДИ

Перевод с английского  
Геннадия Филькова

Текст печатается по изданию:  
*Uródivoi, Fools for God*, 1993  
Catherine de Hueck Doherty (née Kolyschkine)

Madonna House Publications  
Combermere, Ontario, K0J 1L0  
Canada

[www.madonnahouse.org](http://www.madonnahouse.org)  
[www.catherinedoherty.org](http://www.catherinedoherty.org)

Перевод с английского Геннадия Филькова  
Редактор Анна Годинер

Екатерина де Гук Дохерти (Колышкина)  
1896-1985

Преподобному Джону Т. Каллагану посвящается.

© online edition, Madonna House Publications August, 2008

## ЮРОДИВЫЕ ХРИСТА РАДИ

Русское слово «юродивый» означает «полоумный». В этой замечательной книге – последней в серии, которая начинается книгой «Пустыня» и продолжается книгами «Соборность», «Странник» и «Молчание», – автор делится своими наблюдениями о смирении как основе развития духовности. Она описывает несоответствие между мирской жизнью и настоящей христианской жизнью – скромной, непритязательной, самоотверженной ... «жизнью смирения».

Екатерина Дохерти пророчески предупреждает о грозящей нам опасности ядерного оружия, конкурентного стиля жизни, материализма и глухоты нашей к тяготам жизни бедняков. Она призывает своих читателей открыть двери своих сердец для «Бога любви».

Катерина де Гук, урожденная Колышкина, родилась в России, в Нижнем Новгороде в 1896 году. «Мама моя не рассчитала, и я родилась в поезде», – пишет она в своей автобиографии «Истории русской странницы». Ей посчастливилось получить глубоко христианское воспитание. Выйдя замуж за барона Бориса де Гука, вместе с ним она бежала из России, чтобы найти, наконец, свой новый дом на берегах Канады.

Катаклизмы двадцатых годов – революция, последствия войны, экономическая депрессия, призрак коммунизма – все это привело ее к пониманию, что Христос – единственный верный ответ на все проблемы современного мира. И поэтому в начале тридцатых годов она продала всю свою собственность, раздала деньги бедным и отправилась в трущобы Торонто, чтобы жить там евангельской жизнью. Ее призвание нашло свое продолжение в Гарлеме, в Нью-

Йорке, где она основала Дом Дружбы для служения делу межрасовой справедливости.

В 1943 году Катерина де Гук вышла замуж за Эдди Дохерти, известного американского журналиста. Вместе они отправились в Комбермер, Онтарио, чтобы служить бедным в этом обнищавшем сельском районе Канады. Их служение выросло в апостолат Дом Мадонны – епархиальную молитвенную общину мирян – мужчин, женщин и священнослужителей, которые стремятся вместе вести евангельскую жизнь и делиться ее плодами с другими людьми.

Писательница Катерина де Гук-Дохерти заслужила мировую известность, особенно своей книгой «Пустыня», о которой говорят сегодня как о современной духовной классике.

«Испуган ли ты? Нет покоя душе твоей? Одинок ли ты? Твой единственный спутник – одиночество? Так слушай. Слушай шаги Христа. Наберись терпения, чтобы услышать. Слушай, и ты услышишь. Он научит тебя тому, чему не сможет научить ни один философ или богослов – никто, кроме Него. Он возьмет тебя за руку, и ты познаешь радость бесконечную. Но будет в этой радости и глубинная боль: Он попросит у тебя то, чего ты, быть может, не захочешь отдавать, но отдать придется. И тогда ты полюбишь Его». В книге «Юродивые Христа ради» Екатерина приглашает нас распахнуть двери наших сердец для Господа Любви, принять юродство Креста, стать глупцами Христа ради, потому что Он стал глупцом ради нас: ведь «немудрое Божье премудрее человеков» (1 Кор 1, 25).

Группа издателей

## СОДЕРЖАНИЕ

1. Божьи глупцы.....	6
2. Плачу я в ночи .....	15
3. Глядя с горы Веры .....	26
4. Покайтесь! .....	35
5. Проповедуй Благую Весть!.....	46
6. Сердита я, о Господи.....	54
7. Войны и слухи о войне .....	65
8. Крест и Воскресение .....	74

## 1. Божьи глупцы

Я хотела бы назвать эту книгу «Юродивые», что означает по-русски «полоумные». Это очень странное название, особенно для людей, говорящих по-английски. Я хочу поговорить о вещах не слишком популярных. Я хочу рассказать о том, что значит быть безумцем Христа ради.

У меня есть одна невозможная мечта. Но нет. Я мечтаю о реальном. Как я уже говорила, и не раз, я влюблена в Господа нашего. Но возлюбить Его недостаточно. Надо сойти с ума ради Его славы. Никто не захочет слушать, или, быть может, лишь немногие захотят выслушать безумные речи.

Мне хочется научить людей, чтобы вместе со святым Павлом можно было сказать: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор 2, 9).

Может быть, мне и не следовало говорить о таких вещах. Или это мой долг? Не знаю. В этой книге я хочу быть свободна, и пусть простят меня мои читатели, если временами мой голос окажется гласом вопиющего в пустыне.

И вновь я читаю: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их»; «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор 3, 19-20). Конечно, я не мудрец. Нет у меня той мудрости, которую признал бы мир. Я та, о ком Павел пишет в послании к Коринфянам: «Нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» (1 Кор 4, 9-10).

Поэтому я просто хочу сказать, что, любя Господа, а, следовательно, людей, я безумна во славу Христову. Так и есть. Я ни во что не ставлю деньги, разве что протягиваю руку, чтобы вы могли бросить один-два пенни, а я могла отдать их кому-то в нужде. Руки для меня – это что-то вроде подноса. Чтобы угостить кого-то лимонадом или другим питьем, вы пользуетесь подносом. Поднос для того и существует, чтобы с него что-то отдавать. А руки для того, чтобы к ним ничего не прилипало. Все идет людям, которые нуждаются более других.

Мне нет дела до денег. Но также мне нет дела и до себя, то есть, моего самолюбия. Самолюбие мое столько раз швыряли в грязь и вновь вытаскивали обратно. Часто меня припирали к стене и, подобно Святому Себастьяну, пронзали стрелами ненависти. Я могу вам поведать, что это больно. Сколь многие годы моей жизни прошли вот так:

Отбрось все страхи твои,  
Ибо не видел того глаз,  
Не слышало ухо человека,  
Что приготовил Бог  
Любящим Его.

Отбрось все страхи твои  
Ибо ты увидишь  
И услышишь,  
Что Он приготовил  
Для таких,  
Как ты.

Отринь все сомнения свои  
Отбрось все страхи свои,  
Помни, что написано:  
«Не видел того глаз,

Не слышало ухо,  
И не приходило то на сердце человеку,  
Что приготовил Бог  
Любящим Его».

Он освободил узников!  
Он обратил в бегство демонов!  
Он исцелил души,  
Изъеденные проказой!  
Он воскресил мертвого!  
Он несет эту тяжкую ношу –  
Крест на спине  
И удары бичей на теле, –  
Пока Любовь не освободит тебя  
И не скажет:  
Приди и упокойся во мне!  
Ты разделил мою боль  
И позволил мне  
Через тебя  
Сотворить чудеса  
Любви.

Когда я оглядываюсь на свое прошлое, я удивляюсь, что еще живу сегодня. Но милость Божья безгранична. Я не только жива, но и в добром здравии. И поскольку рассудок мой ясен, а сердце открыто Господу, я должна славить Его. Подобно святому Иоанну Крестителю, я должна идти в ужасные пустыни наших городов и в настоящие пустыни, окружающие их, на зеленые пастбища и в густые леса. Я должна идти всюду, а это, конечно, означает, что я остаюсь на месте. Это дух мой бродит по свету и зовет, зовет, зовет всех возлюбить Господа.

Понимает ли кто-нибудь, какая эта мука, боль и печаль – видеть столь многих, кто не возлюбил Его? Не думаю. Если ты действительно возлюбил Господа, если



Он твой абсолютный идеал, тогда боль становится непереносимой. И ты должен идти, идти неустанно ко всем людям.

Ты должен идти, чтобы нести Благою Весть. Ибо для этого ты создан. Для этого ты был крещен и принял конфирмацию; для этого пища твоя – Святое Причастие. Для этого, когда ты падешь, испросишь прощения через соборование. Да, для того ты создан, чтобы нести Благою Весть ближним. Благою Весть о том, что Евангелие проповедуют бедным. Благою Весть, что на самом деле бедны все. Но Он жил всегда среди беднейших из бедных.

Я хотела бы, чтобы мой голос достигал самых дальних частей света и поднимал людей – людей, которые приняли крещение, но уже забыли о нем. Они пренебрегают тем, чтобы вкушать Хлеб и Вино, которые только и могли обратить их в веру истинную. Я хотела бы кричать с высочайших башен: «Проснитесь! Проснитесь, христиане, проснитесь! Ибо настал час! И настало время! Мир гибнет: мы корыстолюбивы и самолюбивы. Мы не заботимся о ближнем своем. Он может идти, куда хочет, делать, что хочет, лишь бы нам не мешал. Мы заняты лишь своими собственными делами, а ведь они пахнут адской серой!»

Но как мне забраться на все башни света? Как могу я прокричать слова, которые так важны сегодня? Благою Весть необходимо проповедовать бедным. Мне нужны столь высокие башни, что с них все небоскребы казались бы не больше грибов. Вот на какие башни должна я взбираться. Можете ли вы понять этот неумный голод? Это божественный голод. Это тот голод, который, кажется, разорвет вас на части.

Иногда в моих ночных бдениях я засыпаю и просыпаюсь снова, засыпаю и просыпаюсь. Мне

кажется, я бегу от одного человека к другому на Нью-Йоркском стадионе или, может быть, на Пятой Авеню. Я останавливаю людей и говорю им, что Благая Весть идет к ним. Но они не слушают. Тех, кто слушает, так мало!

Я просто одержима служением Господу, и ничто меня не может удовлетворить, кроме того разговора один на один, спора, горячего монолога или молчания наедине с другим человеком, когда мы рука об руку идем к Господу нашему. Можете ли вы понять это чувство? По-вашему, это странный способ начинать книгу? Да и кому нужно читать мои книги? Не знаю. Но я должна их писать. Я должна их писать, потому что я безумна Христа ради. Я не могу отдыхать. Пусть все узнают, что я безумна во славу Христову. Пусть все поймут, что я, как говорит апостол Павел, не знаменитость, а безумная женщина. Потому что все, что я хочу, все для чего я существую, все, что я желаю всей душой, это чтобы люди возлюбили Бога. Вот почему я плачу горькими слезами по ночам – так много людей не внимлют Богу!

Да, я хотела бы взойти на высочайшую башню мира и восславить Его перед всеми людьми, потому что Он Бог.

Понимаете ли вы, что это значит? Он всемогущ; Он всемилостив; в Его руках судьбы народов. Он Сын Отца Небесного, а Святая Мария – Мать Его. И все же Он превыше всего.

Испуган ли ты? Нет покоя душе твоей? Одинок ли ты? Твой единственный спутник – одиночество? Так слушай. Слушай шаги Христа. Наберись терпения, чтобы услышать. Слушай, и ты услышишь. Он научит тебя тому, чему не сможет научить ни один философ или богослов. Никто не научит тебя этому, кроме Него. Он возьмет тебя за руку – и ты познаешь радость

бесконечную. Но в этой радости будет и боль: Он попросит у тебя то, чего ты, быть может, не захочешь отдавать, но отдать придется. И тогда ты полюбишь Его.

Да, вот чего я желаю. Вот на что устремлена вся моя жизнь. Принять муки себялюбия, гордыни, слабодушия и чего там еще принесет наша жизнь, и ждать Того, Кто есть радость моя, Кто пребудет со мной навеки.

Да, я, и большинство друзей моих об этом знают, безумна во славу Христову, одна из humiliati (лат). Humiliati означает нищего, заброшенного, отвергнутого, униженного.

Кто из вас хотел бы сходить в дом престарелых, где тысячи матерей и отцов забыты, брошены, лишены заботы? Это нетрудно сделать. Безумцу во славу Христову нужно постараться проникнуть через кажущуюся непроницаемой стену жадности и себялюбия, которой окружены подобные заведения. Достанет ли у вас смелости пойти в район, населенный пьянчугами, или в кварталы бедняков? Да, для этого нужна смелость. Не только потому, что вы должны будете «взглянуть в лицо» бедности, про которую вы, возможно, только читали в газетах или в книге. Требуется смелость, чтобы войти туда. Нужна храбрость, чтобы постучать в дверь. Кто я и кто вы, чтобы дерзнуть войти в святая святых, которую так любил Христос? Он всегда был среди бедных.

Да, чтобы пойти туда, нужна храбрость. Но безумец во славу Христову может идти куда угодно: люди посмеются над ним и откроют дверь. Вот в чем радость – быть безумцем во славу Христову, одним из humiliati, одним из презренных, забытых, отверженных.

Вы скажете мне, что сегодня я не презираема, не пренебрегаема. Но вот я пишу книги, деньги за которые, хвала Господу, идут бедным. И, может быть, я не покажусь вам бедной, но придите и посмотрите, пожалуйста. Посмотрите на мою крайнюю нищету. Посмотрите на мою крайнюю глупость. Посмотрите на русскую безумную женщину, которая живет в Америке и вокруг которой собрались тысячи других безумцев. Придите и посмотрите. Вложите пальцы свои в мои раны. Они глубоки. Но это бесполезное занятие. Я приняла эти раны. Я желала их – они подобны ранам Христа. Лучше пойдите в район, куда никто не ходит. Вам не придется далеко идти для того, чтобы вложить пальцы в отверстые раны многих и многих людей.

Возьмите, например, мою подругу в Виржинии. Однажды она написала мне письмо и напомнила, что прошло тридцать пять лет со дня нашей встречи. Это было давно и далеко, когда я жила в Гарлеме. Но это неважно. Важно, что в своем письме она сообщила мне, что у нее две семьи. Да, они живут на пособие. Да, они получают продовольственные карточки. Да, они получают менее трех тысяч долларов в год. Подумайте об этом. У нее две семьи. В одной из них болен ребенок. Я похлопотала, попросила друзей помочь, и они помогли великодушно.

Но вот о чем я спрашиваю вас, каждого из вас персонально, каждого из вас лично: что вы собираетесь делать? Мир разваливается на части. Сбылись слова Папы Пия XII, которые я повторяю снова и снова. Он говорил: «Если попраем мы бедных и повергнем их лицом в грязь и пыль, они восстанут и убьют нас». И что же, они восстанут по всему миру. И мы сталкиваемся с ужасной, глубочайшей трагедией.

И что же мы? Готовы ли мы стать глупцами Христа ради? Безумцами, говорю я! Я так и говорю! Вот почему я хочу взойти на высочайшие башни мира и

возвестить об этой глупости, «ибо немудрое Божье премудрее человеков» (1 Кор 1, 25).

Кто хочет стать столь же великим глупцом, как Христос? Кто хочет? Отвечайте же! Ибо настал час, и настало время, и настал тот миг, когда мы должны стать безумцами.

Но это не значит, что вы должны присоединиться к революционерам где-нибудь в Тимбукту. Нет. Это значит обновление паствы. Думали ли вы когда-либо о том, что безумство Христово состоит в том, чтобы, оставаясь среди паствы Своей, преобразовывать ее? Вот это, друзья мои, и есть глупость Христа ради. Мы идем и ищем где-то вдали, в других общинах и в других местах утешения своей душе. Но когда вы оставляете свой приход, потому что священник несостоятелен, когда вы уходите из монастыря, потому что сестра-настоятельница не понимает вас, значит ли это быть безумцем Христа ради? Когда муж и жена стремятся к разводу, это ли безумие Христа ради? Или же глупость Христа ради – остаться с пастырем своим, мужем, женой, с сестрой настоятельницей? Глупость во славу Христову – это перестроить сердце, ваше и мое сердце, причем изнутри, а не снаружи.

Не обманывайте себя. Вы надеетесь, что-то извне изменит вас, но это не так. Только то, что идет от самого вашего сердца, из самых, так сказать, недр ваших, изменит мир. А мир пора менять. Теперь! Сегодня! Немедленно! Сейчас же! И кто же, если не христиане, пойдут впереди? У них есть прекрасные слова Христа, которые указывают, как изменить мир.

Вспомните дни, когда язычники говорили: «Вы только посмотрите, как эти христиане любят друг друга». Так вот сегодня этого не говорят. Христиане не любят друг друга. Не любят друг друга и члены семьи. Не любят друг друга и члены общины. Всюду раздоры.

Каждый хочет свое. Быть глупцом Христа ради, любезные мои, – значит делать не то, что вам хочется, а то, что Он хочет от вас, и делать это как следует, истово. Наверное, подходящее для этого слово – «подчиниться». Да, наверное, чтобы быть настоящими безумцами Христа ради, нужно подчиниться целиком и полностью. Каковы могут быть политические, экономические и другие отклики на деяния наши, я не знаю, но благословение Господне снизойдет на нас.

Я вспоминаю (и, кажется, я где-то писала про это), что коммунистам в России потребовалось сорок восемь часов, чтобы отобрать у нас все наше добро – бриллианты, меха, одежду и даже мебель и домашнюю утварь. Сорок восемь часов, друзья мои, – это очень немного. Я не хочу сказать, что у вас собираются отнять их, но ведь могут и отнять!

Что же сказать мне? Куда же пойти мне, Господи? Я могу пойти лишь к Тебе. Ведь то, что я хочу возвестить миру с высочайших башен, – это Благая Весть, которую Ты принес нам. Но, Господи, столь мало тех, кто слушает! И не мне бы об этом болеть, но я болею. Так дай же мне башню. А если нет у Тебя башни, дай мне уличный перекресток. Дай мне богатый или бедный дом. Куда бы я ни пошла, я буду безумной Христа ради, это ясно. Но сподобь меня пойти и проповедовать Твое светлое, прекрасное, кроткое, любезное учение всему свету. Помоги мне, о Господи, быть истинно безумной Тебя ради!

## 2. Плачу я в ночи

Отрицать бесполезно: я плачу по ночам. Правда, русские часто соблюдают бдение: перед большими праздниками и в других случаях. Может быть, это наследие моего народа, а может быть, это дар Божий. Откуда мне знать? Знаю только, что я плачу по ночам. Да и кто не заплакал бы, живя в мире, который близится к катастрофе? Но мир этот не очень-то и важен. Важно то, что этот мир не любит Бога. А вы не заплакали бы ночью, если бы узнали, что Возлюбленный ваш не любим? А вы не заплакали бы?

Это мука, которую не высказать словами, не описать. Это мука души или сердца, полюбившего Господа, души, которая витает на углах почти каждой улицы, на каждом проезде, в больших и малых городах, прося, умоляя, уговаривая, выкрикивая: «Слушайте меня! Слушайте слова, что идут из моего сердца. Это не мои слова. Это слова Господа. Он хочет, чтоб Его любили. Он и пришел в этот мир, чтобы спасти его, чтобы мы возлюбили друг друга. Он умер на кресте из любви к нам».

Но, увы, и в темноте ночи, и на углах освещенных улиц больших городов, и на сельских тропинках так мало тех, кто отзовется. На деле, большинство проходит мимо меня, недоумевая, не стоит ли меня отправить в психиатрическую лечебницу!

Может быть, и стоит. Может быть, это место для меня. Но мне все равно. Честно и прямо говорю: мне все равно. Я хочу добиться, чтобы Господа возлюбили люди, которых Он спас. Я хочу проповедовать Благою Весть бедным – а кто среди нас не беден? Я хочу расстаться со своей жизнью и распевать, распевать о том, сколь ничтожна моя жертва я. Да и что есть жизнь перед громадным даром, принесенным нам Господом?

О, друзья мои, можете ли вы понять эту муку? Придите, разделите ее со мною. Давайте испытаем муки Христовы. Давайте войдем глубоко в эти муки. Давайте. Ведь именно теперь, когда мир на грани таких крутых перемен, к кому пойдём мы? Ответьте мне, друзья мои. К кому пойдём мы? Когда Христос спросил святого Петра, не хочет ли и он уйти, он ответил: «К кому нам идти?» Его слова эхом звучат в наших сердцах:

Право, я не знаю, что заставляет меня писать подобную книгу. Но я должна ее написать. Я не могу не писать. Так темны ночи и, кажется, пропитаны моими слезами.

Может, от слез моих расцветет пустыня, но я не знаю. Я не вижу цветов. Я взываю, взываю, и слова мои уносит ветер. Я взываю к людям, чтобы они возлюбили друг друга, как Христос возлюбил нас. Я взываю к Святому Духу, чтобы Он, подобно ветру, донес слова мои до дальних мест, до разных людей, и пусть наступит эра мира.

Но когда я взываю об этом, я слышу поступь войны. Как и многие годы, я слышу ружейный выстрел и знаю: кто-то умер. Я слышу пулеметы и знаю: умерли многие. Я слышу разрывы гранат и не могу сосчитать, скольких ранило.

Я говорю миру, «Проснись, мир! Проснись! Не спи! Не время спать. Время молиться. Придите все, кто верует. Придите. Идите ко мне. Давайте молиться вместе».

Да, мы юродивые. Так зовут на Руси этих забытых, нищих, ни к чему не годных, тех, что сродни проституткам или ворам, тех, кто отвергнут обществом. Вас отвергали когда-нибудь? Знаете ли вы, что значить быть отвергнутым? Если да, придите ко мне. Придите к юродивым.



Видите ли, это очень просто. Возвысился голос Христа – и ветер Духа принес Его прямо к вам. Как и я, вы не можете сказать, что вы не слышали Евангелия, что вы не знаете его. Это неправда. Мы все знаем. Но мы не хотим поступать по нему. Если мы будем так поступать, наше окружение отвергнет нас. Но думали ли вы когда-либо, что тот, кто отвергнут, становится одним из униженных, одиноких и позабытых? А тот, кто с ними, тот с Христом. Разве забыли, что Он вечерял с ними?

Смотрите-ка. Стол накрыт. Все готово. Но так мало людей! И хозяин дома посылает слуг своих найти тех, кто не стоит и ломаного гроша. Он сказал слугам, чтобы посмотрели под заборами и в темных углах. Он велел найти отверженных и устроил им роскошную трапезу.

Я стою у дверей и стучу, стараясь призвать кого-нибудь принять участие в этой трапезе. Но все заняты своими пустяковыми заботами. Бог забыт. Господи помилуй! Боже помилуй нас! Послушай! Открой глаза свои, тяжелые ото сна, и слушай. Забудь эту женщину в твоей спальне. Она даже и не жена твоя. Ты просто переспал с ней, выставляя напоказ свое распутство перед Ликом Господа. Смахни сон с глаз твоих и слушай. И ты услышишь самое необычное из того, что когда-либо слышал. Ты услышишь Христа, с бичом в руках изгоняющего ростовщиков из Храма Отца Своего.

Приходило ли тебе в голову когда-либо, что то же самое происходит здесь и теперь?

Если вслушаться, ты услышишь, как бичи впиваются в плоть людскую. Ты увидишь, как вокруг тебя за деньги приносят в жертву голубей и других животных. Ты слушаешь, современный человек? Ибо если были когда ростовщики и спекулянты в храме

Божьем, то это сейчас. Ты можешь увидеть их. Смотри же! Вот они продают и покупают, и все ради наживы своей.

Евангелие более не проповедуют бедным. Проповедники Евангелия ушли на широкие пути, которые не ведут к Богу. Он же сказал: «Я – узкий путь, путь тернистый». Но современные проповедники ищут широкие врата, легкий путь, и они тоже, за редким исключением, делают миллионы на людских надеждах. А надежды рушатся. Посмотри, посмотри вокруг и увидишь, что происходит. Нет смысла называть имена – это повсюду. Люди продают все и вся, включая и душу свою, дьяволу.

Да, это странный конец столетия. Начиналось оно мирно, а потом пошла война за войной, и всякий раз это была война за спасение демократии или еще чего-нибудь. Но не об этом вопиет, шепчет, просит Господь. Бог просит об открытом сердце. Он не хочет никаких жертв. Он хочет, чтобы сердца людей, мое сердце, ваше сердце, полностью принадлежали Ему. За этим пришел Он. За это Он умер на кресте. Ради этого Он воскрес из мертвых и пребывает среди нас все время.

Но слушайте! За ближайшим углом бич впивается в человеческую плоть. Бог разгневан. Евреи и язычники, буддисты и мусульмане – нет, не это гневит Господа.

Век начинался в мире. Все еще были фермы, которыми владели крестьяне. Теперь их скупил корпорации, ставшие городскими помещиками, которые извлекают прибыль из каждого отложенного курицей яйца. Несушек теперь держат в клетках, чтобы неслись быстрее, давали больше прибыли владельцу, а в начале века несушки бродили себе на свободе, несли яйца, где им понравится, а дети отыскивали отложенные ими яйца. Это было давным-давно, в начале века.

Отправляйтесь-ка в путешествие, пока еще есть бензин. Поезжайте и осмотрите церкви. Они пусты наполовину, друзья мои. Мы не понимаем или не хотим понять: все должно идти через Церковь. Церковь – невеста Христова. Церковь – это люди Божьи. Церковь – это тело Христово. Все, что идет к Нему, должно идти через нее.

Папа благословляет харизматическое движение, но, я уверена, он считает, что идет оно из лона Христовой Церкви. Это не что-то отдельное или чуждое. Нет, это часть обновления, которое Бог старается принести нам. Но мы не можем отделять его от Церкви ни по какой причине – будь то хорошие или плохие, достойные или недостойные священники. Все равно это должно идти через Церковь. И так как это идет из лона Церкви, оно будет иметь благословение. Таким путем шли все движения, которые сохранили Церковь в веках. Харизматическое движение должно быть собрано в церковь. Так должно быть. Так угодно Богу. Оно должно быть собрано под рукой Католической Церкви и оттуда, с папского благословения, распространяться по всему миру, как оно медленно распространяется и сейчас.

Но, увы, даже харизматическое движение, как и все прочие движения, которых много вокруг, не суть то, чего хочет Господь. Бог хочет тебя. Он хочет, чтобы ты открыл ему свое сердце, и более того, Он хочет, чтобы ты открыл сердце ближнему своему, брату, сестре: все мы братья и сестры в Господе.

Да, глядя на землю, Он видит, что внимают воле Его немногие. Он видит, что большинство заняты удовлетворением своих желаний. Бог забыт, или, по крайней мере, так это выглядит.

Но проснитесь, христиане, восстаньте; покиньте греховные спальни. Покиньте мир, где вы добываете

свои грязные деньги. Выходите! Настал час. Настало время! Смотрите! Вот путь. Вот Церковь. Войдите в нее, падите ниц, просите Господа о прощении. Примите Его Хлеб и Вино и потом идите на проселки и большие дороги всего света, проповедуйте Благую Весть, которую вы услышали, всякому встречному. Настал час, настало время. Завтра может быть поздно.

Сегодня люди тщетно ищут цели своей жизни. Такими людьми наполнены психиатрические лечебницы. Любой психиатр подавлен числом пациентов, что приходит к нему излить трагедии, которыми наполнена их жизнь. Адвокаты и люди, которые готовы слушать, потому что любят, – на пределе сил своих. Со всего света, особенно из Америки и Канады, днем и ночью слышится плач, плач одиночества. Чем больше всяких приспособлений мы изобретаем, тем более одинокими становимся. Люди вступают в мир детства, отрочества, юности и во взрослую жизнь со страхом. Страх довлеет везде. Одиночество сопутствует каждому, а по другую руку идет страх. Люди чувствуют себя отверженными, нелюбимыми с самого рождения.

Одна женщина пришла ко мне и сказала (ей было лет двадцать пять): «Вы знаете, выжила я одна». Я спросила, «О, вы попали в автомобильную или авиационную катастрофу?» «О, нет, – сказала она. – «Моя мама избавилась при помощи аборта от всех моих братьев и сестер, но почему-то не избавилась от меня, и я выжила. И вот я здесь».

Она выжила. Сегодня люди закапываются в землю и наполняют свои подземные убежища едой и припасами. Страх перед атомной бомбой в каждом сердце, особенно в сердцах людей Западной Европы. Но, я полагаю, к ним присоединятся и остальные. Они хотят выжить.

Эта женщина выжила. Она пережила избиевание невинных младенцев. Перечитайте рождение Христа в Евангелии. Перечитайте, как Ирод послал своих приспешников убить младенцев. Перечитайте, как Иосиф и Мария стали беженцами. Они выжили. Они избежали бойни: Бог защитил их. Но кто запретит мне взывать к Владычице нашей Марии и ко Святому Иосифу, покровителю изгнанников. Я сама изгнанница. Я выжила.

Русские изгнанники – нас было десять или двадцать миллионов, – похоже, стали частью истории, которую никто не читает, разве лишь когда зададут урок по истории. Волна за волной приходили евреи, которые выжили в гитлеровской войне. А затем, как морской прибой, люди в лодках, тайландцы, камбоджийцы, сомалийцы, кубинцы. Земля или море – сегодня нет преград для этой катастрофы бегства.

Сегодня меняется вся картина мира. Беженцы повсюду. Скоро уже третий мир будет владеть тем, что было первым миром. Да, мы высосали третий мир до дна. Мы растоптали лицо его в грязи, как сказал Папа Пий XII, и теперь мы пожинаем урожай нашего эгоизма и жадности. Правда, мы принимаем некоторых беженцев, но мы очень щепетильны в том, кого, почему и когда принять.

Изменится лицо всей земли, ибо люди, которых попрали, восстают. Народ, который был полностью отверженным в Южной Африке и Родезии, становится народом, взявшим власть. И так и будет идти далее: Господь Бог Саваоф не будет вечно терпеть подобную несправедливость. Нет, не будет. Он вмешивается в самые неожиданные моменты. Послушайте еще раз. Послушайте снова, сегодняшние люди, сегодняшние женщины, сегодняшняя молодежь. Послушайте. Послушайте Слово Божье. «Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ

Гоморрский! Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Ис 1, 10,16,17).

Это сильные слова. Мы, живущие в конце нашего столетия, должны прислушаться к ним. Ибо пророки изрекли их давно. Но пророки живут вечно. Они никогда не умирают. Это значит, слова их всегда живы. И настало время прислушаться к словам пророков, взглядеться в наш мир и понять, что он стал новым Содомом и новой Гоморрой.

Если вы не знаете, о чем я говорю, прочтите Исаию, главу 1, стихи с 10 по 20, и вы поймете, ибо сходство между этими двумя городами и нашими великолепными городами небоскребов очень велико.

К кому же обратиться нам? Что же нам делать? Прежде всего и ранее всего, обратимся к Богу в молитве и испросим прощения. Немного спустя Он скажет в безграничной милости Своей: «Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как волну убелю» (Ис 1, 18). Вот какова милость Божья, достигающая сердца человека, если он слушает. Но он не слушает. Не всегда слушает. Поэтому настало время слушать, что говорит нам Бог. И настало время нищим сравняться, не обязательно с бедными, хотя и это надо, но с нищими духом.

Прочь сейчас же, прочь гордыню достижений своих, денег, великолепных домов – всего, что так легко разрушить и уже разрушалось наводнениями в Калифорнии и в других частях света. Многих из этих городов уже нет. Их можно восстановить при помощи денег. Но надо ли? Это города, в которых возгордившиеся люди похвалялись домами своими, машинами и роскошно одетыми женщинами. Настало

время власяниц и пепла. Настало время отдать не только лишнее, но и то, что необходимо нам самим. Да, настало время власяниц и пепла и, прежде всего, слез – слез покаяния, слез скорби о том, что сделали мы и чего не сделали нашим братьям и сестрам.

Идемте. Идемте в церковь. Идемте куда угодно и начнем стенать. Давайте вместе плакать в ночи. Да, давайте вместе пойдем в церковь и оплачем то, что нам следует оплакивать так долго!

Для начала будем оплакивать себя за все то доброе, что не сделали мы своим братьям и сестрам. Затем мы должны плакать о ближних, а ближних много: Папа, кардиналы, епископы, священники, миряне – все они ближние наши.

Понимаете ли вы, что я хочу сказать? Это идет из мрака ночи, когда я не могу заснуть. Я вижу епископов, архиепископов и кардиналов Церкви. Понимая, что не все они наделены даром лидерства, я вдруг начинаю видеть этих людей Божьих как одного человека. В них воплощена вся полнота власти Христа. Понимаем ли мы это? Или уже позабыли мы все, чему нас учили? Мне кажется, да, позабыли. Папа, кардиналы, архиепископы и епископы каким-то образом, мне видится, сливаются в одну Личность Иисуса Христа. Они перестают быть теми, кем были. Возможно, они и сами этого не осознают. Но мы с вами осознаем, и поэтому нужно говорить о них, говорить громко, говорить прочувствованно, говорить постоянно, ибо они пастыри наши.

В библейские времена пастыри всегда шли впереди паствы своей. Точно так же лидеры Церкви должны идти в полном одиночестве впереди паствы своей, дабы мы могли следовать им. И чтобы мы могли следовать им, мы не должны судить их ни с каких позиций – ни с точки зрения разума, ни богословия, ни

морали. Единственное суждение, которое мы можем иметь о них, – суждение любви, прощения и глубокого понимания того, кто они, даже если сами не знают точно, кто они такие. Это не имеет никакого значения. Они есть Христос, и они наделены властью Его.

Увы, они не всегда пользуются ею. Нам остается только молиться, чтобы они пользовались ею, ибо из всех людей на свете они величайшие целители человечества – целители ума, тела, эмоций, сердца и духа. Да, вот кто они. Вот кем был Петр, и вот кем был Павел. Тень Петра упала на какого-то человека – человек исцелился. Все эти лидеры, которые представляют Христа, – мастера внутреннего исцеления, хотя, возможно, не знают этого.

Иногда, стоя на верхушке огромной башни, которая и не башня на самом деле, а громадная масса камней и руин, я хочу закричать на весь мир и епископам, архиепископам, кардиналам и даже Папе. Такова моя смелость, такова моя храбрость, таково мое безрассудство, что я смею кричать с вершины этой громадной горы, дабы поняли они, кто они и что могут. Они истинные целители человечества, ибо они принадлежат Христу. Каждый из них представляет собой Христа.

Вот как обстоит дело. Вот о чем кричит мое сердце в пустоту с вершины этой горы. Я не знаю, слышит ли кто меня. Быть может, только деревья, быть может, только трава, что цепляется за камни. Мне это неважно. Быть может, птицы слышат меня; может быть, птицы разнесут мои слова. Я не знаю, и мне это неважно. Я должна произнести эти слова. Я должна высказать их: если я не выскажу их, я умру. Это слова, которые должны быть сказаны. Одно я знаю точно: я должна сказать их или умереть.



И вот я иду к священникам, которых рукоположили епископы. У них тоже есть власть – другая власть. Но все они, от Папы до последнего священника в самом темном приходе, обладают одной властью – властью возлюбить Бога и ближнего своего. Эта власть принадлежит всем, кто крещен. В этом – суть крещения. Нас окунали в крещальную купель Иисуса Христа, и мы вышли оттуда чисты и свежи. И по мере того, как мы становимся старше, растет и власть наша прославлять Божий Мир.

Ну, не разрывает ли вас эта мука, что столь немногие прославляют Его? Не разбивается ли ваше сердце, когда видите вы, что кто-то отвергает Божий мир, попускает гибель его, как написано в притче о сеятеле? Не разбивается ли ваше сердце, когда слышите вы, как атеисты поносят Христа? Но знаете, что скажу я вам? Атеизм может быть побежден. Но апатию, эгоизм и желание «жить своими заботами» победить очень трудно. Люди противопоставляют свою волю Божьей. Что вы можете поделать с этим? Вы стоите где-то на вершущке горы, проповедуя, говоря о Боге и о Его мире. Но еще вы там для того, чтобы слышать. Что же делать? Скажите мне. Что делать, когда слова Христовы не приносят плодов? Их отрицают, искажают, отвергают и топчут. Что делать?

У меня нет ответа. Могу только сказать, что мы непременно падем в некое огромное ничто, колодец без дна, так это представляется мне, и из этой ямы, из этого ничто будем взывать: «Из глубины взываю к Тебе Господи. Господи! услышь голос мой». Но это должна быть мольба.

### 3. Глядя с горы Веры

У горы этой, похоже, нет конца. Ты взбираешься, потому что должен, потому что Бог зовет тебя подниматься все выше и выше. Голос его эхом звучит в твоих ушах: «Друг! Пересядь выше». И потому, что это говорит Он, ты идешь и идешь через камни и скалы, через пустыни и зеленые пастбища. Когда достигнешь ты вершины, неизвестно, ибо это священная гора Бога и в Его в власти сделать ее меньше или больше. У тебя одна задача: каждый день ты должен достигать места, которое выше предыдущего.

Отсюда ты можешь видеть боль человечества. И не только видеть, но и разделять ее. И сильнее любой боли в наш век «коммуникаций» – боль одиночества.

Одиночество сопровождает каждого. Это странное явление можно разглядеть только с вершины горы Господней. Одинокие епископы, одинокие священники, мужья и жены, которые тоже одинокі. Одинокі и дети, и подростки, и те, кто вступает во взрослую жизнь. Но особенно сильно запечатлено одиночество на лицах стариков.

Истинно, эти люди – *humiliati*. Это позабытые люди. Недавно я получила письмо о том, что моя подруга, которая жила в доме призрения, умерла. Сиделка сказала, что она умерла от одиночества.

Да, ты должен пройти камни, степи и жаркие пустыни, чтобы достичь вершины горы, которая сегодня принадлежит тебе. И глядя вниз на мир под тобою, воззовешь ты к Господу, как воззвал Моисей, когда сошел он с горы и увидел, что народ его поклоняется золотому тельцу.

Да, когда люди поклоняются золотому тельцу, одиночество прилипает к человеку, как почтовая марка. Смотри. Ляг плашмя и смотри. Смотри вниз, в

долину, и увидишь, как они поклоняются золотому тельцу. В этом мире все покупается и продается – по крайней мере, так это выглядит. Воистину немногие остались верны Божьему миру и живут цельной жизнью.

Все покупается и продается. Когда Бог покажет тебе с вершины горы то, чего ты не хочешь видеть, ты захочешь закрыть лицо руками. Ты захочешь свернуться калачиком и заснуть, чтобы только не видеть. Но сон проходит, и глаза твои открываются вновь.

Все продолжается. ФБР тратит массу времени, нить за нитью распутывая так называемые «клубки». ЦРУ следит за миром и везде находит шпионов и лжецов. Никто более не говорит правды. И все же правда есть – это Бог.

Гора высока. Все человечество перед тобою. И ты видишь. Видишь то, о чем говорили пророки в Библии. Вот старухи, собирающие еду по мусорным ящикам. Вот старики и старухи, умирающие от одиночества в домах призрения, которые более всего заинтересованы в том, чтобы прибрать к рукам пенсии своих пациентов. Вот многодетные женщины, оставленные своими детьми в одиночестве. Они дают деньги на содержание своих матерей, как будто бы деньги – то, что приемлет Бог. Да, они дают деньги на удобства матери, нанимают сиделок, делают все, что могут дать деньги. Но их самих с ней нет!

И я, стоя на этой скалистой горе, хочу воззвать ко всему миру. Но достигнет ли его мой голос? А если достигнет, прислушается ли он? Вспомните Лазаря и богача. Конечно же, богач не слышал. Он не слышит и сегодня. Одна страна, или даже несколько стран, находятся на грани гибели, и не потому, что враг стоит у порога, а потому, что свирепствует инфляция. А если

всмотреться в сердце инфляции, друг мой, что увидишь ты? Снова жадность и эгоизм!

Нет, я не могу кричать. Земля слишком велика. Но я могу плакать. Вы понимаете, что я имею в виду? Я могу плакать. Я могу плакать горькими слезами, чтобы падали они на камни, которые сегодня напоминают сердца людей. Скажи мне, мой друг, плавятся ли скалы? Если те, кто возлюбил Бога и возлюбил людей, восплачет над всем, что увидел он с вершины горы, растают ли скалы?

Не знаю. Знаю только, что как бы ни была я измучена и больна, я должна выстроить дом на этой скале. Понимаете ли вы это? Да, это будет дом Господень. И те из вас, кто будет искать Его, да последуют за зовом Христа. Ибо и им скажет Он: «Пересядь выше, друг мой».

Страх завладел малодушными людьми. Я слышу его дыхание. Оно зловонно. Что же мне делать? Как могу я, ничтожество, ослабить страх людской? В наши дни ядерных бомб, войн и слухов о войне страх, как змей старинных преданий, взползает по дереву веры. И где бы ни прополз он, пропадает кора, и дерево остается обнаженным. Видели ли вы когда-нибудь обнаженное дерево, дерево без коры? Это умирающее дерево.

Что же делать мне? Я как меж двух огней. С одной стороны – страх человеческий, зловонное дыхание его накатывает волнами. Идут люди по делам своим, но змей сдирает кору с дерева веры и ползет выше, выше и выше, к зеленой листве, которую пожрет он, если его не остановить. Я стою перед змеем и деревом, лишившись чувств и способности двигаться. С другой стороны – Бог. Бывали ли вы когда-либо в таких тисках? Но, конечно же, коли Бог зовет, отвечай. И я отвечаю. И я говорю Ему прямо, смиренно и просто: «Говори, о Господи; раба Твоя слушает Тебя».

И Он говорит. Слова Его удивительны. Более того, Он хочет, чтобы я передала их другим людям из уст в уста. Я не пророк. Я, если хотите знать, никто. Я просто апостол, мирянка, которая начала свой апостольский путь пятьдесят лет назад, вот и все. Тем не менее, я слышу голос, шепчущий мне на ухо: «Иди и скажи им, чтобы не боялись, но верили. Скажи им, что дерево веры не лишилось коры своей – это иллюзия. Скажи им, что Я люблю их. Скажи им, что Я хочу, чтобы Меня любили в ответ, ибо пришел Я, дабы спасти всех и каждого – такова была цель Моя, таковой она и осталась. Иди и скажи им. Скажи им Благою Весть. Проповедуй ее боязливым, богатым и бедным – всем и каждому.

Да, продолжай взбираться на гору. Ты оставила на нем дом, посвященный Мне, как Я просил тебя. Он построен на скале. Но теперь тебе придется противостоять страху людскому, а это будет еще труднее. Страх этот крадется, как вор в ночи, и проникает в каждый угол по мере того, как растут цены и деньги превращаются ни во что. Ты встанешь и возведишь, что Я Бог всех народов, что Я любовь и что предо Мною исчезают все страхи. Любовь, что суть Я, сильнее всех страхов. Руки Мои открыты. Придите и возьмитесь за них. Познайте, что кроток и смирен Я сердцем. Научитесь не иметь ничего, кроме Меня, Отца Моего и Духа Святого.

Да, страхи и слухи о войне сгинут, если вы перестанете, если мир перестанет быть жадным и себялюбивым и заботиться только о деньгах и богатстве. Выходите на гору сию. Вы еще мало прошли. Взойдите, встаньте и посмотрите, а, посмотрев, увидите. Увидите, как каждый стремится завладеть чужим богатством. Сморгите, что делают с Третьим миром. Смотрите, что Первый мир делает с Третьим миром. Вознегодуйте! Встаньте на вершину горы, на

которую взошли вы, и возвестите заветы Ягве и Мои заветы, что принес Я для вас на землю. Говорите им. Говорите народам, говорите людям, что они должны возлюбить друг друга, как Я возлюбил их, иначе они погибнут».

Я не знаю, слышу ли я что-нибудь или прислушиваюсь к шепоту, который как будто окружает меня в пустыне. Не знаю. Знаю только, что я хочу сказать: «Верую. Верую. Верую».

*Credo.* Да, я верую. Есть мгновения, когда я страшусь. Есть мгновения, когда я сомневаюсь. Но все исчезает перед тем, что есть для меня величественное дерево веры. Его корни укреплены в воде, так что и в сильную засуху листья его зеленеют.

Таково мое видение веры. Но каково видение других людей? Сегодня наша величайшая трагедия – маловерие. И вновь стою я перед этой горой, на которую взбираюсь непрестанно и у которой, похоже, нет вершины. Сегодня я вновь восхожу на эту гору, смотрю вокруг и вижу маловерие. Я хотела бы закрыть глаза, и я закрываю их, но ничего не меняется. Я продолжаю видеть сквозь сомкнутые веки.

Одна трагедия туманит мой взор, как черная мантия, спадающая с вершины этой бесконечной горы. Я вижу священников, покидающих Церковь. Мне приходится путешествовать, и я вижу, что нет, похоже, ни одной епархии, из которой не уходят священники. И это не только в Америке и в Канаде. О, нет! Увы, это по всему свету. Один за другим они поворачиваются спиной и уходят прочь. Помните, как Христос говорил апостолам: «Даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Мф 10, 8-10). И послал он их во все стороны попарно. И что же случилось? Прямо отсюда, с

макушки горы, у которой нет вершины, я вижу, как они сворачивают с указанного пути и идут в противоположном направлении.

Вокруг меня огромные камни. Я сажусь на один из них и не стыжусь сказать, что плачу. Плачу я горькими слезами, и все они падают на твердые камни, не оставляя, конечно же, и следа на этих камнях. Я говорю себе: «Ну что же, это похоже на плач по священникам. Я плачу, но сердца их черствы, и слезы мои не трогают их».

Но, с другой стороны, с какой стати? Я никто. Я не имею значения. Я просто женщина, которая горькими слезами плачет о возлюбленных своих священниках. Почему это должно кого-то трогать? Я не могу до конца разобраться. Конечно же, это все глупости. И все же из этой тьмы, которая укутала гору без вершины, я слышу шепот ветра. Это ветер? Или это голос? Не знаю. Я не могу сказать. Но Он говорит: «Плачь. Я тоже плакал у надгробья Лазаря. И тогда Лазарь восстал из мертвых благодаря слезам Моим и благодаря молитвам Моим к Отцу Моему».

Я сижу на камнях и недоумеваю. Ветер ли это? Голос ли это? Не знаю. Знаю только, что должна плакать. И плакать я буду – ведь и Он плакал.

Я спала где-то меж громадных камней, воздымающих зубчатые свои вершины к темному небу. Я спала, а затем проснулась. И вновь налетел ветер и прошептал: «Взбирайся». Вялая спросонья, вялая от усталости и всего, что случилось, я устало карабкалась, цепляясь за зазубренные края каменных громад, по которым иногда было легко взбираться, как по каменной лестнице, а иногда совсем наоборот: будто на отвесные утесы взбиралась я, цепляясь за крошечные выступы в скале.

Наконец достигла – нет, не вершины горы, которая, похоже, все время ускользала от меня, – но вершины одного скалистого уступа, небольшого плато, на котором можно было сидеть, стоять и ходить. Я взглянула вниз, на землю. Ветер усилился, он рвал мои одежды и волосы и, казалось, шептал: «Смотри. Смотри. Смотри вниз».

Я взглянула и чуть не свалилась с этого плато: подо мной люди убивали людей. Первое, что увидела я, была кровь—кровь, что текла рекой по всему свету. Зло бушевало в так называемом цивилизованном мире, и кровь лилась рекой от рук грабителей и убийц.

Продолжая смотреть, я поняла, что от одного края света и до другого люди стоят в боевом строю. Но не на фронте объявленной войны. Нет. Это была вечная война, и когда началась она – кто знает? Одни были покорены другими и убивали своих поработителей, а поработители тысячами убивали поработенных. Другие вели междоусобные войны. Третьи пытались завоевать свободу у угнетателя, в соответствии с разумением своим бились с угнетателем и гибли от его рук. Куда бы ни посмотрела я: на безбрежные пространства воды, на причудливые горы, более суровые, чем та, на которую взбиралась, – я видела войну, скрытую войну, открытую войну, но все же войну. И казалось мне, что восстала я из мертвых.

Затем понемногу ветер привел меня в чувство. Это был суровый, холодный ветер, продувавший мое горное плато. Казалось, он стонет, «Смотри!» И я посмотрела вновь. И увидела другую войну, о которой много не говорят, – войну между гигантами индустрии. Я видела, как семейные фермы проглатывают те или иные конгломераты. Я видела, как маленькие магазины и небольшие предприятия исчезают в утробах конгломератов. И вновь, и вновь, и вновь, насколько можно видеть, я созерцала, что творится, и



не только в Западном мире, но и на Востоке – в Гонконге, Сингапуре, Тайване, Южной Корее, Китае, Японии. Я видела, как происходит все то же: конгломераты проглатывают взаимоотношения между продавцом и покупателем.

Да, я видела, как все это исчезает. А потом я увидела что-то ужасное. Я видела, как конгломераты, объединившись, правят миром. Уже не правительство управляло страной – конгломераты правили большинством стран. Я не могла более смотреть. Но ветер вновь ударил меня и сказал: «Смотри!» Я смотрела, и казалось, что нет меня. Была я, казалось, истерзана тем, что видела.

Затем я увидела и другую войну – войну в умах людей, из которой произрастают все войны. Сознание людей было в смятении и в хаосе. Точно так же, как все эти войны и все эти конгломераты создавали хаос и смятение вокруг меня, также и сознание людей, насколько видела я, было в хаосе. И не знали они, куда идти. На мгновение показалось, что смотрю я кукольное представление. Я видела мужчин, женщин и детей в каком-то танце смерти. Они кружились, кружились и кружились под звуки никогда не слышанной мною музыки. Но это был кукольный театр. Это был человек в одиночестве, сам с собой, и он спрашивал себя: «Куда иду я? Куда мы идем?». Весь этот хаос был создан системой, не способной более функционировать, правительствами, которые были бессильны друг перед другом и так же бессильны в своих собственных странах.

Да, я видела, как люди искали путь, дорогу, тропку и не находили ее. Всюду вокруг них была пустыня, наполненная кактусами, перекасти-поле и прочими колючками, воздымающими громадные руки свои к небу. Но пути не было. И вскричала я: «Где дороги? Где проселки? Где тропинки?» Никто не ответил.

Я была одна на этой горной вершине. И ветер хлестал меня и завывал, как это принято у ветров в горах: «Смотри и постигай». Я смотрела, старалась постигнуть. Человеку остались две дороги. Одна – марксизм, другая – капитализм. И ничего между ними. И стояла я на горном своем плато и не противилась сокрушающему меня ветру, ибо то, что я видела, привело меня почти к отчаянию, которое может испытать только человек, подобный мне, – тот, кто возлюбил Бога шести лет отроду и чья вера до сего дня переживала все испытания, что преподносила жизнь.

И увидела я вдруг, что вера моя непоколебима, что могучие, крепкие корни вращались в каменистую почву, ломая ее на мелкие кусочки. Дерево веры моей росло и росло, и ветви его защитили меня от сурового ветра. И увидела я в тени, отброшенной моим деревом веры, третий путь – путь Христа, простой, прямой, не шоссе, не скоростная дорога, а просто деревенская тропка. Вот куда надо идти человеку: там найдет он мир. И поняла я, не понимая, что отказался человек от этой тропы из гордыни своей, из жадности, из жажды наживы. Люди бились за то, что они называли «идеалами».

Да, я видела это явственно из тени моего дерева веры и знала, что однажды, может быть завтра, может быть послезавтра, может быть много столетий спустя, люди найдут эту маленькую деревенскую тропку, которая ведет к вере, любви, надежде и, прежде всего, к братству, которое есть плод этого дерева. И люди будут едины; границы будут отброшены, как старая изношенная одежда. Люди пойдут к Богу в братстве. Христос, Бог Отец, Дух Святой поведут нас. И тогда Лик Божий проявится в лицах всех людей.

## 4. Покайтесь!

Однажды, давным-давно Бог, будучи весьма разгневан народом еврейским, в милости и доброте Своей смирил гнев и сказал, «Придите и рассудим». Удивительная часть Ветхого Завета – так называемый гнев Божий и Его приглашение прийти и рассудить. Если бы такое могло случиться сегодня!

Но конечно, чтобы такое могло произойти, необходимы несколько обстоятельств. Первое: люди должны верить в Бога, иначе как бы они могли сесть с Ним и обсудить дела? Второе: те, кто все еще верит, должны перестать гневаться на Господа. В наши дни гнев Господень на Его возлюбленных людей куда меньше, чем гнев в сердцах людей на Бога.

Я восхожу на гору свою. Но в этот раз вокруг меня очень милые зеленые луга. Как выросли они поверх этих ужасных камней, скал и обрывов, что с таким страхом преодолевала я вчера, я не знаю. Но воздух чист, луга зелены. И со всех сторон ветер доносит до меня милость Божью, Его всепрощение, Его кротость, Его любовь.

Я сижу на кочке. Я пытаюсь постигнуть все происходящее, но мешает необыкновенное умиротворение. Ветер приносит слова Христа: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин 14, 27). И пока я сижу там, вдруг посреди зеленого поля начинает расти крест. Откуда он? Я не знаю. Вокруг ни дерева, но вырос крест. Постепенно столб его вырос на три метра в высоту, и из самой его середины выросла поперечная перекладина. Я отступила назад.

Кочка моя мала. Я попыталась найти место, где могла бы спрятаться, или, по крайней мере, стену, к которой я могла бы прижаться спиной. Но ничего не нашла я, вот только там, где вырос крест, появился

большой холм. Глядя на него, я поняла, что сижу перед Голгофой. Крест, на котором Он был распят, тоже был на небольшом холме. Я старалась понять, что же происходит.

Все казалось так странно! Мне некому и нечего было сказать. Я могла лишь преклонять колени перед крестом. И внезапно, из глубины гор, куда пришла я через скалы в эти бесконечные горы Господа, вдруг ниоткуда налетел ветер – или, может, правильнее сказать, пришел ветер. Не знаю. Он подхватил меня и швырнул на землю, как водится у ураганов, и возопил: «Говори! Говори! Говори!» И лежа ничком на зеленой земле, под этим столь странно выросшим крестом, спросила я: «Что сказать мне?» И сказала я себе: «Скажу, что Господь зовет их «прийти и рассудить». Но они не верят в Бога! Большинство из них не верит. Они не хотят обсуждать с Ним дела. Они не хотят прислушаться к тому, что говорит Он.

И вдруг я поняла, что об этом я должна говорить. Я открыла рот – и слова полились потоком. Казалось, что если кто-то с большим кубком попытается собрать слова мои, они тут же его переполнят.

Я была сама не своя. Я знала это. Ветер, а может кто-то больший, чем ветер, говорил за меня. И вновь я припомнила слова Христа: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10, 19-20). И была я в благоговении от того, что из моих уст исходят слова Христа, ибо так оно было. Я не думала. Я была почти мертва и все же стояла прямо и смело. Я произносила эти слова с высокой горы, и разносились они по свету.

Да. Все слышали, что говорила я, но фактически говорила не я. Просто мои уста и язык сподобились поведать миру, что должно произойти. Я повторяла: «Покайтесь! Покайтесь! Покайтесь!», – пока не устала от самого этого слова. И все же я должна была повторять его вновь и вновь.

Тогда сказала я: «Покайтесь и примиритесь друг с другом, или все вы погибнете в великом огне, который грядет. Или не видите вы? Или вы слепы? Или вы глухи? Покайтесь. Настало время каяться. Настало время просить прощения у Бога, а затем и у ближнего. Ибо все мы согрешили против Него и против ближнего. Еще есть время покаяться, возопить к Богу: «KYRIE ELEISON! CHRISTE ELEISON! Господи, помилуй. Помилуй меня, грешного».

У нас есть еще время повернуться к ближнему и примириться с ним, прежде чем принесем мы жертвы на алтарь. Но времени немного. Приглашение Бога «прийти и рассудить» не будет длиться вечно, ибо будем мы как узники вавилонские. Мы будем уничтожены, и те из нас, кто избегнет легкой смерти телесной, будут вопить, умоляя о прощении и покаянии. И знаете, что скажу я вам? Бог нас услышит, даже если наступит последний час и никто нас не наймет (Мф 20, 1-16)

Местность была ровной. Не было на ней никаких деревьев. Лишь трава пробивалась то тут, то там, как будто и не хотела она расти здесь, но пришлось. Вся местность была серой и унылой. И была там неподвижность, какой не видела я нигде в других местах. Серость эта угнетала мое сердце. Я огляделась вокруг. Местность заполнена была людьми, идущими по своим делам, продающими и покупающими перед храмами своими. Но почему-то тут совсем не было ветра. Я стояла среди людей, которые толкали меня локтями, отпихивали, и чувствовала, как будто мне

нечего сказать. Но это было не так, ибо должна я была проповедовать Евангелие всюю жизнью своею. Но в этой серой местности, среди этих серых продающих и покупающих людей, мне не хотелось и рта открывать.

Тут меня коснулся легкий ветерок. Он был так нежен! И не чувствовалось, что это ветер. И все же он вошел в мое сердце и повторил то, что я уже знала: «Говори. Неси Благую Весть, что проповедуют бедным». И я встряхнулась. Я встряхнулась, как встряхиваются собаки, выходя из воды. Казалось невероятным, что я должна говорить с этими покупающими и продающими людьми, которые что толпятся в этой унылой местности, застроенной зданиями, предназначенными для продажи. Я не могла этого понять.

Я колебалась. Было так трудно, ужасно трудно! Но я знала, что должна сделать это. Там не было никакого возвышения, никакого холма, ни валунов, ни камней, чтобы я могла встать на них. Не было ничего, кроме этой унылой местности, пересеченной во всех направлениях тротуарами и наполненной людьми, которые метались вокруг как безумные, покупая и продавая. Там было что-то вроде детской площадки, хотя не было никаких детей. И я пошла туда. Увидев скамью, я взобралась на нее. Чтобы возвестить Благую Весть, нужно встать хотя бы на небольшое возвышение – так я думала. И я заговорила. Я говорила о любви к Господу, о кротости Его, о Его милосердии, о Его любви к нам. Я говорила о вере, надежде, любви. Я говорила о чудесах, Им сотворенных. Я говорила о Ветхом Завете и добавляла к нему Новый. Я донесла до каждого Новый Завет во всей чистоте и простоте его. На самом деле я говорила не очень много, ибо мысли приходили сами собой. Как будто кто-то наполнял мои уста тем, что я должна сказать. Я

вспомнила, как Бог сказал, что Он будет говорить в нас в минуты беды и нужды.

И знаете что? Голос мой, который довольно силен, казалось, поглощался громадным комком ваты, подобным тем, что используют в больницах, и пропадал в нем: говорила я людям, которые не слушали. Они были полностью и совершенно равнодушны к тому, что я говорила. Никогда я не встречала ничего подобного. Они проходили мимо меня и даже не поворачивали голову. Они не слушали! Они были безразличны. Они не хотели ни о чем спорить. Ни богословские, ни философские, никакие другие истины не проникали в их сердца. Они были подобны стаду овец без пастыря. Они ходили вокруг, занятые только куплей-продажей и ничем больше. Казалось, они не смогут припомнить даже, что там идет по телевизору. Я слышала, как мужчина говорил своей жене, когда они проходили мимо меня: «О, нет, я не помню, что там показывали. Я был слишком занят расчетами по серьезной сделке, которая мне предстоит».

Внезапно я оказалась в гуще того, что они называют «сделка». Да, вот чем они интересуются – сделками. Честные сделки, нечестные сделки – какая разница, была бы прибыль. И это все. А, получив деньги, они шли к своим семьям, к своим женам или друзьям, клали перед ними чек и говорили: «Видишь? Я получил почти стопроцентную прибыль на этой сделке».

Дома были огромны, возвышаясь, как Вавилонская башня. Пейзажа почти не существовало, ибо все было пересечено, как я уже говорила, во всех направлениях мостовыми и тротуарами. И над всем этим в ночи я видела электрические письма с приглашением выпить, или развлечься, или еще что-нибудь, или с рекламой лучшего ресторана. От всех этих неоновых

бликов у меня кружилась голова. Но мне они казались не неоновыми огнями – они казались мне адскими огнями!

Это все, что я могла видеть, стоя в одиночестве на детской скамейке. Но вокруг не было детей, ибо было уже поздно. И голос мой охрип. И все же я продолжала говорить: «Он завещал нам любить друг друга, как Он возлюбил нас. Подумайте об этом». Но никто не думал. Ни одна душа. Я была среди людей безразличных, которые помышляли лишь о деньгах. Они не продавали и покупали перед храмами своими. О нет! Они продавали и покупали везде!

Я почувствовала горькие слезы на лице и воззвала к Богу «Господи помилуй!» Спокойный и умиротворенный голос отвечал: «Я и есть Господь Милосердный».

Я не знаю, где я. Я знаю, что это вершина горы Господней – вершина, которую я так и не могу достичь. Но в тоже время я каким-то образом подвешена над громадной пропастью, которая разверзлась под всем миром. Я лежу ничком и смотрю вниз. Кажется мне, что безумие овладевает мною. Ветер холоден и свиреп. И хотя он уносит прочь все мои мысли, я не чувствую себя менее безумной. Чувствую, что, лежа вот так, ничком, я должна проповедовать Слово Божье. Но это невозможно! Там, внизу, у подножия горы, вершина которой очень высока, и все же я могу ясно видеть это, люди идут в свой последний и решительный бой. И именно в этом ужасном шуме я должна возвысить свой голос и говорить о Том, Кто любит нас любовью превыше всех остальных. Можно говорить слепому, но как говорить глухому? Послушайте.

Там, внизу, образуются странные фигуры. Это не танки. Это не люди, вооруженные ружьями. Это не



напоминает ни окопную войну, ни блицкриг. Это не линия Мажино. Это люди, которые с вершины моей горы кажутся муравьями, снующими туда-сюда, наполняя мосты, наполняя воды. Они плывут через реку Гудзон; они плывут через реку Восточную; они плывут через всякую реку, какую только найдешь в США. Мосты рушатся под тяжестью автомобилей и людей.

Вдруг налетел ветер и произнес: «Говори». Можете ли вы увидеть ветер? Можете ли вы поймать его? Измерить его? Может быть, если вы метеоролог, вы и сможете. Но простые человеческие существа вроде меня – нет. Вот он, холодный, холодный ветер, пронесется надо мной и произносит: «Говори. Говори. Говори». И, возвысив голос над всей какофонией, которая царит надо мной, я говорю.

Теперь маленькие муравьишки, которых я видела прежде, становятся большими муравьями. Они становятся людьми. Я видела людей, которые пытаются спастись от слухов, ползущих от уха к уху, о грозящей атомной бомбе. Я помню время, когда после Хиросимы правительство разрабатывало планы по эвакуации людей из Нью-Йорка. Они пришли к заключению, что это невозможно, что десять миллионов людей, если считать вместе Манхэттеном и Бруклином, эвакуировать нельзя. Они должны будут умереть. Я вспомнила. Холодные мурашки побежали у меня по спине, и я замолчала.

Но ветер повторял: «Говори. Говори». И я возвысила свой голос и сказала им: «Прекратите! Прекратите! Не делайте этого! Не пускайте в ход оружие, которое создано, чтобы разрушить мир. Вы хотите бомбить Россию, а Россия хочет бомбить вас. Не делайте этого! Не делайте этого! Смотрите! Среди

ваших самолетов, ракет и подводных лодок стоит огромный крест. Он велик, как небо. Он уходит во вселенную. Его поперечина достигает стран неведомых. Он исходит из сердец людских. Смотрите, как вздымается он: все выше, и выше, и выше, к стопам Отца нашего. Его тень ложится на весь мир. Не делайте этого! Не делайте того, что задумали вы! Не уничтожайте! Не убивайте! Это против заповедей Господних – заповедей Милосердного Господа, который умер за нас. Не делайте этого. вспомните, как говорил Он: «Кроток и смирен Я сердцем». Последуйте за Ним. Будьте кротки, смиренны, простите, покайтесь. Покайтесь! Слушайте меня! Покайтесь!»

Голос мой возвысился, как гром, но никто не обратил на него внимания. Ракеты были готовы к запуску. И они пошли. Задрожала святая гора Господня. Но не упала она. Ничего не случилось с ней. По-прежнему лежала я ничком, глядя вниз. Я могла видеть весь мир. Я видела, как пал Третий мир, а за ним Первый. Они не слишком сражались. Они пали на колени, молясь.

Соединенные Штаты уничтожили Москву и Ленинград и множество сибирских городов, в которых создавали ракеты. Но они не знали, где глубоко под землей прячутся другие ракеты. Огромная масса СССР, которую я по-прежнему зову Россией, приняла на свою широкую грудь всю мощь ракетного удара, содрогнулась – и рухнули ее дома и памятники. Но затем пришло возмездие. Главными целями были Нью-Йорк, Чикаго, Вашингтон и Сан-Франциско. Все эти громадные здания и вся эта огромная работа рук людских, которые казались башней Вавилонской, рухнули, как карточный домик, построенный ребенком. И, падая, они убили миллионы людей. США были слишком густонаселенной страной, чтобы пережить такую бомбардировку. Страна погибла вместе со

своими благими намерениями. Выжили, быть может, только жители Вермонта или других мест подальше от этой бойни.

И я, лежа ничком на скале, видела все это. Я рыдала и плакала, ибо я любила. Когда тому, кого вы любите, угрожает смерть, вы плачете. И вновь ветер пришел ко мне, холодный по-прежнему, но все же не столь резкий. И из этого ветра донесся голос: «Вот и увидели они, к чему привели их гордыня и высокомерие. А теперь помолись, чтобы они вернулись к Отцу Моему».

Я не могла толком понять, где я. Я знала, что по-прежнему взбираюсь на святую гору, но теперь казалось, что она укутана каким-то туманом. Поверите ли? Казалось, что иду я в тумане и по туману. Странно, не правда ли? Мне не хотелось видеть никого и ничего. Туман был теплым и плотным на ощупь, и я отдыхала в нем и на нем. Но вдруг ниоткуда подул легкий ветерок. Не такой ветерок, чтобы прогнать туман, но такой, что смог прошептать мне в уши: «Говори. Говори. Говори». Странно, что шепот может быть таким громким. Я хотела повернуть лицо навстречу ветру – туда, откуда исходил шепот, но не смогла. Он шел, казалось, отовсюду. И я знала, что должна говорить. Я должна была возвестить Благую Весть в тумане. Приходилось ли вам когда-либо возвещать Благую Весть в тумане? Это был мой первый опыт.

Я начала говорить, что Бог пришел, дабы спасти нас, что Он жил среди нас, что Он был распят среди нас, что Он любил нас так, как мы и представить себе не можем, любил больше, чем мы можем понять из нашего представления о любви. Я вновь и вновь зачитывала заповеди блаженства, заповеди любви, что Он оставил нам, прежде чем вознестся к Отцу Своему.

Но знаете что? Казалось, что все это возвращается из тумана назад, ко мне. Я была поражена: никогда такого не было прежде. И я вздохнула поглубже, открыла глаза и посмотрела. И вдруг я поняла, что вижу сквозь туман, сквозь все, что только может стоять между мною и сердцами людей. Со страхом и ужасом увидела я, что погребены они под грузом золота, серебра и прочего добра. Они не знали или, во всяком случае, не понимали, что медленно погребают себя, приближая смерть свою. Тяжелы были золото и серебро и сокрушали тяжестью своей владельца. Но люди эти протягивали руки свои, и хотя спины их болели, ребра их трещали, казалось, все кричали они: «Еще золота! Еще серебра! Еще богатства!»

Я не знала, что делать. Вы же видите, это был тяжкий грех – грех алчности, грех себялюбия, грех гордыни. Что я могла поделать против этого, разве что кричать в тумане, чтобы опомнились они, пока еще живы, пока еще люди? Но, похоже было, что понять им меня невозможно. Они продавали себя за это золото и за это серебро. На всех биржах мира продавали и покупали они слитки золота или листки бумаги, что зовут они акциями, которые принесут, по их мнению, счастье.

И возопила я к ним вновь. Говорила я: «Остановитесь! Проснитесь! Покайтесь! Придите к Богу! Есть еще время!» Но голос мой заглушал туман. Громким казался он мне, да не достигал никого или, быть может, достигал лишь немногих.

И поняла я в этот миг в каком-то озарении, почему живем мы в Доме Мадонны. Мы живем, чтобы показывать Лик Христа через туманы, через все грозы, через все дожди и ураганы. Мы существуем, чтобы стать, если придется, мучениками. Ибо лишь мученики, страстотерпцы могут пройти все туманы, могут силой

рук своих сбросить всю тяжесть золота и серебра, что гнетет людей земли.

Я осмотрелась вновь и увидела безумные желания людей. Всех их обуяла алчность. Всех их обуяло себялюбие. Руководители государств вырывали хлеб изо ртов бедняков. И начала я дрожать непроизвольно, ибо увидела я и гнев Божий. Молитесь, чтобы не пришлось вам испытать и десятой доли того Божьего гнева, что испытала я. И еще поняла я, что должна войти в гнев этот, что должна молить за людей, должна просить Господа простить их, как Моисей просил, когда, сойдя с горы, увидел он золотого тельца. Да, вот что я должна была сделать. Так я и поступила. Я вступила в гнев Божий и, преклонив колени у стоп Его, просила Его простить людские грехи алчности, себялюбия и особенно нежелание покаяться, которые вели их к войне.

И когда иссякли силы мои, пала я у стоп Бога Отца, стеная: «Отче! Отче! Будь милостив! Смилуйся над нами, грешными!» И услышала я кроткий голос: «Отец Мой и Я и Дух Святой всемилостливы и всепрощающи. Запомни это».

## 5. Проповедуй Благоую Весть!

Ясен день. Сияет солнце. Далеко внизу – прелестный вид. Кажется, что люди живут в мире. По крайней мере, сверху они кажутся мирными. Я сижу на остатке громадного дерева, которое росло, наверное, тысячу лет назад. Оно выглядит как камень, но это не камень: можно посчитать годовые кольца дерева, но на камне их не считаешь. Я вижу людей внизу – они спешат куда-то.

И глядя на весь мир с моего старого дерева, которое и не дерево на самом деле, а огромный пень, я вижу, что все спешат куда-то, но что удивительно, бегут они по кругу. С какого места начинают они свой торопливый путь, туда же и приходят вновь. Я сказала бы, глядя с моего дерева, что они бегают по кругу. Почему? Я задумалась.

Тогда я посмотрела внимательнее и увидела еще кое-что. Я увидела, что бегущие всегда стараются столкнуть с круга тех, кто бежит рядом. И спросила я себя: «Что они делают?» И вдруг я поняла. Они хотят занять место тех, что бегут по большому кругу, но еще они стремятся сесть другому на шею.словно крысиные бега. Каждый хочет попасть на большой круг. А, попавши на этот круг, каждый стремится влезть на шею тому, кто бежит по большому кругу. И вновь взглянула я, и вновь не поверила глазам своим. Теперь это была пирамида. Каждый хотел взобраться на чью-нибудь шею. Я спросила себя: «Почему? Чего они пытаются добиться?»

И вдруг, я поняла: они конкурируют. Великое слово «конкуренция» – слово, которое буквально убивает семьи, друзей, всех, но прежде всего – любовь. Нельзя любить друг друга и конкурировать друг с другом. Но это главный аршин для людей, что мечутся по кругу. Я начинаю понимать: если не будет

расти эта пирамида, они посчитают себя отвергнутыми, отбросами общества, никем. А они не могут вынести того, чтобы быть никем. Отсюда странный бег все более широкими кругами, эти дикие прыжки женщин и мужчин, чтобы взобраться не шею другому, эта пирамида. Чего хотят они добиться своей пирамидой? Достичь неба?

И самое странное для меня, что, сидя на своем пне и глядя вниз на это, я слышу смех. Я слышу демонический смех и знаю, что он исходит из ада.

Но что я могу сделать? Что я могу сделать, сидя на своем пеньке? Я лихорадочно соображаю. Что-то надо предпринять. Люди не должны так жить. То, что вижу я со своего пенька где-то на склонах Божьей горы, – перевернутая пирамида. Вначале круг из бегущих людей, затем всегда кто-то взбирается на головы других людей, и пирамида растет. Я смотрю вниз. На этот раз я привстала, чтобы лучше видеть. Не все верно я увидела со своего пенька. Пирамида перевернута. Мне казалось, что она стоит прямо, но на самом деле она перевернута. И те, кто взобрался на макушку ее, на самом деле уходят вниз, вниз, вниз, в глубины ада.

Но тут случилось что-то очень странное. Я возопила. Села я вновь на мой ствол древесный и возопила к Богу: «Что я могу сделать?» И ветер, который вечно дует на этой святой горе, сказал: «Проповедуй. Проповедуй Благовую Весть. Постигай то, что видишь ты. Ибо лишь люди, подобные тебе, Самим Богом избранные, могут обратить эту пирамиду, могут разрушить все это сооружение. Да, Бог избрал немногих, дабы вы сделали именно это. Так подымись же на сей ствол древесный, встань на сей пенек и проповедуй. Проповедуй! Поведай им, что на этом пути не найдут они счастья. Поведай им, что счастье можно найти только в сердце Господа. Поведай им, что

счастье – это кротость и смирение. Поведай им, что счастье – это любовь и надежда. Поведай им это с дерева веры. Встань и скажи им».

И я встала и заговорила. Самое странное во всем этом было то, что мой слабый голос, казалось, достигал самых дальних краев земли. Я не могла понять, как это получается. Но тут я должна объяснить всем моим друзьям: я ничего не понимаю. Вот я в разных местах на склонах святой горы, и я делаю то, что говорит мне ветер. Ветер – это всегда Дух Святой. И я покорна Ему. Ветер принес мне случайную фразу: «Я был послушен Отцу Моему до самой смерти, так будь же и ты».

Я сижу где-то в лесу. Вечереет. Я по-прежнему на горе Господней, всегда на горе Господней. В руке у меня карандаш, листок бумаги на коленях. Я пишу эту книгу. Я говорю себе: «Как глупо! Никто не будет читать эту книгу. Все твое воображение. Это твои безудержные русские фантазии».

Я сижу на самой опушке соснового леса, глядя вниз. И вдруг я совсем в другом месте. Я там, где всегда жило мое сердце. Я среди бедных. Какая любовь, какая радость, какая простая, детская радость наполняет мое сердце, и я все повторяю про себя: «Я среди бедных. Я спускаюсь со святой горы, чтобы идти к ним». И ветер, который всегда дует на святой горе, говорит мне: «Нет. Нет. Они придут к тебе». Я думаю: «Если они идут ко мне, я должна приготовить пир. Я должна покормить их, одеть и как-то помочь им». Ветер говорит мне, что пора сделать это. Я должна пойти и просить. Возрадовалась вся плоть моя. У меня нет денег, поэтому мне придется просить. Чтобы дать им хорошую еду, чтобы одеть их, чтобы сделать их счастливыми, я должна просить денег. Получить деньги не так просто. Однажды я пыталась, когда полностью приняла нищенство. Бедным никогда



не давали яиц. Хлеб – да, что-нибудь попить – да. Может быть, суп. Но яйца – нет. Это для богатых. И я пошла просить.

Люди меня спрашивают иногда, почему мы в Доме Мадонны просим подаяние. Я отвечаю очень просто, как говорили греки: «Нищие – посланники Божьи». Питер Морин, который помогал Дороти Дей и который, возможно, будет канонизирован, писал это в своей книге. Да, говаривал он: «Нищие – посланники Господа». Как это справедливо!

Остановившись в сгущающихся сумерках елей, я начинаю понимать, как прекрасно просить, просить помощи для других. Это то, что делал святой Франциск. Да, святой Франциск был нищим. Я счастлива осознавать это. Он дает мне отваги стучаться в двери людские, которые иногда захлопываются передо мной со стуком. И это хорошо: тогда я истинно учусь кротости и смирению.

Но какое отношение имеет милостыня к тем испытаниям, что выпали нам сегодня? Это очень просто. Оттого, что люди не хотят поделиться своим добром, будь то доллар или миллион, мы находимся на краю катастрофы. Если люди не делятся добром, что еще остается, кроме катастрофы? Христос сказал однажды: «Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф 25, 42-43). И восплчем мы – все мы, кто не делал этого: «Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» И скажет Он, глядя нам прямо в глаза: «Так как вы не сделали это одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф 25, 45).

Люди мира, слушайте! Послушайте же! Бездонная пропасть разверзается перед нами, а мы идем в нее, как будто влекомые какой-нибудь Лорелеей на Рейне. Разве не понимаете вы, разве не понимаем все мы, что должны начать делиться добром? Мы должны! И дело не в уплате церковной десятины, дело в том, что мы должны делиться добром. Если мы не будем делиться, мы станем атомной пылью. Вот к чему мы придем. Но время еще есть. Еще есть время.

Слушайте! Проснитесь! Слушайте! Остановитесь! Перестаньте стараться стать миллионерами. Каждый сегодня хочет стать миллионером. Станьте бедными. Станьте нищими. Если помните, Христос всегда искал униженных, изгоев общества: проституток, воров, сборщиков податей, мошенников. Он вечерял с ними. И когда большие люди того времени, кто бы они там ни были, пеняли апостолам на поведение Учителя их, Христос отвечал за учеников Своих: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф 9, 12).

Да, я простерла голос свой над миром. Но мир, похоже, не слушал. Я хотела быть нищей. Я и есть нищая. Громко заявила я об этом. И ветер принес внезапный ответ: «Да, ты просишь милостыню – ты любишь людей. Ты просишь, чтобы дать им надежду, чтобы дать им веру. Я тоже нищий. Но я прошу любви людских сердец. Так дай же мне руку. Мы оба нищие, и оба просим самого дорогого на свете».

Я продолжаю взбираться на бесконечную вершину Господню. Вершины горы этой столь высоки, что я и не чаю достичь их. Но к чему мне отчаиваться? Я в руках Божьих. Если пожелает Он остановить меня на полпути, на четверти пути, на трех четвертях пути, все в Его воле. И потому сердце мое ликует, но и в то же время полно великой боли. У всякого, кого встречала я, в сердце больше боли, чем радости. Исключений

очень мало. Я начинаю тщательно перебирать в памяти людей, которых мне довелось повстречать.

Это необычные люди. Они одеты в черные одежды с красным подбоем. Когда они идут в церковь, на их плечах пурпурные мантии. Почему-то, помимо моей воли я оказываюсь в римском Колизее, который еще стоит. Вы и сейчас можете увидеть в Риме то место, где были умерщвлены большинство мучеников.

В Колизее я встречаю людей, одетых в красное – цвет мученичества. Я возвращаюсь из церкви и сажусь. Весна. Я сижу на веранде в качалке. Мысли мои почему-то полностью заняты этими людьми. Я ничего не вижу, кроме них. И наконец на моих губах постепенно созревает слово «епископ». Это очень тихое слово. Если бы вы были поближе ко мне, вы бы услышали шепот. Если вдуматься, это даже не мое слово. Это слово, мне кажется, Духа Святого.

Я вижу, эти люди – епископы. Епископ сегодня – мученик. Многие из них погибли мученически, но даже сам факт, что одет он в пурпурные одежды, наводит на мысли о крови, на мысли о муках, о темнице, о смерти.

И тогда я говорю себе: «Это просто глупо. Мы живем в двадцатом столетии. Правда, то тут, то там кое-кто из епископов принимает мученическую смерть. Но это происходит довольно редко, не часто кому-то достается удел мученика». Тут мысли мои углубились. По существу я, если можно так выразиться, лишилась всех чувств. Я увидела, что такое епископ. Это внушительное зрелище. Толстый ли, худой ли, старый ли, молодой ли, блестяще ли образованный или не слишком – все это не имеет значения. Если уж человек этот возвышен до епископства самим Папой, то лицо его, на чей бы то ни было взгляд и как бы сам он ни выглядел внешне, – Лик Христа. В его земных руках – сила Христова. Что свяжет он – то связано. Что

развяжет он – то развязано. В его ушах эхом звучат слова Христа к святому апостолу Павлу: «Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф 16, 19).

Но я медлю на этих словах и вдруг осознаю, где я. Я заблудилась в мыслях своих. Столь возвышенны были они, что я и не осознавала, что я на горе Господней. Огляделась я и увидела камень огромный и по нему кровавые знаки. И еще казалось, что влиты в этот камень сложенные руки Христа. Должно быть, это мираж. Должно быть, это померещилось. Но так я это увидела. В этот миг осознала я, где я и что происходит вокруг меня.

Часть крови была свежей; другая была пролита столетия назад, но все же это была кровь – это было видно. Я размышляла о тех священниках, которые были растерзаны львами в давние времена. Я думала о тех епископах, которых убивали, особенно в России, о смиренных людях из маленьких безвестных епархий. Вдруг я заплакала. И я была поражена, увидев, что и слезы мои кровавы. Я не понимала почему, разве лишь, быть может, оттого, что так страдала я о епископах убиенных. Они были так близки мне! Каждый день я молилась о них. Может быть, красны слезы мои от пурпурных их одежд. Я не знаю. Не могу вам сказать. Это одна из тайн Господних. Я знаю только, что долго это длилось. Я могла бы написать литанию по всем епископам, за которых молилась я с 1930 года, с начала нашего апостолата. Я всех их могу назвать по именам.

В этой тайне, тайне Христа и епископов Его, скрыто нечто столь глубокое, что я и приблизиться к ней не могу. Слишком свято это место. И дело не в пламени, которое может поглотить тебя. А в том, что ходишь ты в слезах, чувствуя, как жжет огонь тело твое. И ты не

выдерживаешь. Ты убегаешь прочь. Я знаю, что бежала от этого огня. Я выбежала из священного круга боли за священников и преклонила колени вне этого круга. И вскричала я к Господу: «Kyrie eleison. Christe eleison. Kyrie eleison». И заметила я, что говорю уже не по-гречески, а по-русски: «Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй».

Да, это великая тайна. Ибо человек может быть греховен. А может он быть свят. А может не быть ни тем, ни другим. Может быть самым обыкновенным человеком. Но поскольку есть он на земле и поскольку нарекли его епископом, он – Христос на земле. И повернулась я лицом к Господу и спросила: «Так ли, Господи? Права ли я или ошибаюсь?» И ветер принес мне ответ: «Права ты. Я всюду и во всех; но превыше всего Я в епископах Моих. В них могу Я быть особенно сострадательным, любящим, ободряющим, прощающим. Особенно через них могу Я вызвать раскаяние в сердцах людских».

Епископ подобен дереву примирения. В тени его все принимает истинные размеры, истинное значение. Епископ, можно сказать, – Сам Христос. Столь многое в его власти! Примирение между Богом и человеком достигается через странную эту личность, что возвеличена Самим Христом до больших высот. Что делал Христос, то делает и епископ. Он приносит покаяние и радость.

Но он дает еще больше. Так как личность его столь много напоминает нам о Христе, он приносит тень Христову в сердца людей. И вначале Христос подобен тени, неясной, неосознанной. Но мало-помалу епископ исчезает. Нет его боле. Один на один встречается человек в тени дерева веры с Богом своим. И в этой встрече Бога с человеком епископ исчезает окончательно, оставляя человека наедине с Богом его, и происходит примирение.

## 6. Сердита я, о Господи

Гора скользкая, как будто это какое-то морское животное, угорь, которого не ухватишь. Я ничего не вижу. Ноги мои скользят по крупной гальке. Я делаю два шага вверх и на шаг соскальзываю обратно. Это утомительно, очень утомительно. Я не могу далеко видеть. Не то, чтобы это был туман, это какая-то дымка. Но мне кажется, что ноги мои поскользываются на угрях и змеях, что кишат под ногами. Но это только игра воображения просто потому, что идет дождь. Дождь, туман и скользкие камни. Я чувствую усталость. Я не хочу больше взбираться на эту странную гору. Тем не менее, любовь подвигает меня. Я цепляюсь за валун. Цепляюсь за камень. Я продвигаюсь немного вперед и снова срываюсь назад.

И внезапно гнев охватывает меня подобно огню. Я сердита, сердита до глубины души. Я хочу возопить к Богу. И я говорю: «Для чего Тебе эта ужасная гора, на которую надо взбираться, чтобы достичь Тебя? Это отвратит каждого или почти каждого. Все отвернутся от Тебя и не станут взбираться на эту бесконечную, бесконечную гору, вершина которой, похоже, где-то у самых стоп Отца Твоего. Я хочу говорить с Тобой, Боже. Я хочу сказать Тебе, как сердита я, как отчаялась, как трудна гора Твоя, хотя порой и становится она легче».

Гора Твоя, о Господи, воистину гора Иова. Легенда ли это, или жил он на самом деле, но очень уж это похоже на реальную жизнь. Друзья его пришли и сказали, что глупо не воззвать к Богу: «Похули Бога и умри».

Я не теряла многочисленных детей своих, но потеряла все, чем владела. Я была выброшена из своей собственной страны. Я попала на берега чужой страны. Я была подобно юноше, который, получив

наследство отца, растратил его на всех девиц в округе. Когда не осталось у него ничего, вернулся он к отцу своему. Уж лучше быть свинопасом в доме отца своего, чем в чужом доме. Было время, когда сын сердился на отца своего, как и я.

Затем Иов потерял все – детей, стада, поля свои, потерял все. Не удивительно, что пришла жена его и сказала ему: «Похули Бога и умри».

Сегодня сердита я, как брат блудного сына, как Иов. Почему? Ты же знаешь, о Господи, у меня на то тысячи причин. Так трудно было мне читать Библию твою последний раз! Ты обещал позаботиться о евреях, но непохоже, чтобы Ты позаботился. Ты обещал столь многое, но, похоже, не выполнил своих обещаний. Я не еврейка, но я тоже полагаюсь на Твои обещания. Но гнев охватывает меня, когда думаю я о всех тех бедных и несчастных, которые кое-как сводят концы с концами своей скудной, убогой жизни в богатейших странах мира – в Канаде, в США, в Западной Европе. И думаю я об Индии и прочих странах. Там столь много людей! Хватает ли им еды?

И тогда растет гнев мой. Растет он оттого, что встречаюсь я лицом к лицу с недостатком милосердия, сострадания. Я только что получила письмо от одной из сестер нашей общины. Ей прооперировали колено. Она сказала ответственному за лечение лицу, что с медицинской точки зрения все было хорошо, но не было ни сострадания, ни понимания. Ее имя Сусанна. Сусанна в Библии Твоей была осуждена безвинно. Позволишь ли ты людям вновь судить безвинно бедных, увечных, хромых, слепых? Похоже, что ты стоишь в стороне и позволяешь вершиться делам, которые ранят столь многих людей.

Поговори со мной, Господи! Прошу тебя, поговори со мной! Я умоляю тебя. Дело в том, что я теряю веру

мою. Я не думаю, что когда-либо совсем потеряю веру свою, ибо ты наделил меня ею так обильно! Но я в гневе. Боже, я хочу плакать. Гнев приносит слезы. Я не могу поверить, что ты покинешь этих людей, и все же вот они, покинутые совершенно, им некуда идти, и ничего не могут они поделать, разве только жить на пособие. Но как же Индия и прочие страны, где нет и пособия? Что с Гондурасом и епископом Николаем, которому я не раз посылала деньги? Четыре доллара в неделю – вот и все, что он может давать старикам в качестве пособия. Я выбилась из сил в те дни, стараясь выслать ему тысячу долларов. Но ты знаешь, как стеснена и ограничена в средствах я была сама.

О, Господи, помилуй нас, помилуй нас, помилуй нас. Смотрю я и плачу, и гнев вскипает в душе моей. Но большинство людей не плачут. Как собираются они предстать пред тобой, Господи? Я люблю их всех. Я их на самом деле люблю.

Что же происходит? Видно, так устала я, Господи, очень, очень устала я и печалюсь от этого не только за себя, но и за Тебя, Господи. Я хочу защитить Тебя. Я хочу, чтобы люди познали Тебя, каков Ты есть – любящий, оберегающий, сострадательный, Бог, который приносит надежду. Я стою пред Тобой, совершенно исчерпав свои силы.

Господи, услышь мольбу мою, услышь плач мой. Не о себе плачу, о других. Из глубины взываю. Быть может, голос мой не достигает Тебя. Я не знаю. Но и с последним дыханием должна я взывать к Тебе: «KYRIE ELESION! CHRISTE ELESION! KYRIE ELESION! JESUS PRENDIS PITIE! LORD HAVE MERCY! CHRIST HAVE MERCY! LORD HAVE MERCY! ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ МЕНЯ, ГРЕШНОГО!»

И ветер, который, похоже, всегда овеивает меня, приносит голос: «Пребудь в мире. Я с тобой до



скончания века. Я не могу управлять тем, что происходит, ибо Я дал людям свободу, и люди пользуются ею. Но Я с тобой всегда, до скончания века».

Земля, местность, окружающая среда были совершенно безразличны. Это неожиданное слово для характеристики окружающей среды, но именно так я ощущала. Если бы вы спросили меня на следующий день, как выглядели окрестности, та местность, где я была, я бы ничего вам не смогла рассказать. Это было что-то вроде города – многие тысячи людей были там. Вся местность эта была серой и унылой. Окна магазинов давно не мыты; тротуары в трещинах; в том же состоянии и дорога. Да, могу сказать о той местности единственное: она не оставила никакого впечатления, и чем быстрее пройду этот город, тем лучше.

Пелена безразличия, почти печали, накрыла меня, когда я оставила этот город позади. Чувство было такое, как будто я совершила долгий путь из одного конца его в другой. Да, такое вот место. Здесь вы засыпаете или почти засыпаете за рулем автомобиля или, если вы едете на лошади, выпускаете поводья из рук. Безразличие, которого я никогда не испытывала, охватило меня. Честное слово, мне было все равно, существует ли Бог или нет. Я не собиралась и рта открывать, проповедуя то, что Он назвал Благой Вестью. Нет.

Я была полностью безразлична ко всему и едва могла припомнить город, через который мы проезжали. И все же я знала одно: я неуклонно взбиралась на гору Господню, на лошади ли, на автомобиле ли, или на своих ногах. Были ли у вас когда-либо чувства, которые я испытывала в этот день? Приходилось ли вам когда-либо восходить на гору Господню почти помимо вашего желания? В безразличии? Как и всегда,

ветер свистел вокруг меня, но я не внимала ему. Я устала до крайности. Не припомню дня, когда я столь сильно устала.

Казалось, задача, которую возложил на меня Господь, а именно проповедовать Евангелие так громко, как только достанет сил моих, была завершена. Я не хотела проповедовать. Я только хотела уснуть, убежать, скрыться куда-нибудь, где мне не будет досаждать такое множество людей.

Приходилось ли вам когда-нибудь быть лицом к лицу с толпой людей, которые верят, что у вас есть дар, а вы знаете, что его нет? Мне однажды пришлось читать лекцию тридцати трем тысячам человек. Можете ли вы представить это? Они все окружили меня, придавили к невидимой стене. Они все хотели, чтобы я продолжала говорить. Я заглянула в сердце свое, а там не было ничего, кроме желания убежать от этой толпы. Я пообещала себе никогда больше не говорить с такой массой людей. Я знала, что люди, избранные Богом донести Его послание миру, всегда обречены на усталость, но не знала, что на такую страшную.

Доводилось ли вам когда-либо испытывать эту разрушительную, оупляющую усталость, которая охватывает вас и как будто стирает в порошок? И вот вы уже жалкая кучка праха на дороге. Мне на память приходят слова, которые читают в первую среду Великого поста: «Помни, человек, что прах ты и в прах возвратишься». Да, именно это я и чувствовала.

Было ли у вас когда-либо такое чувство? Ветер, воющий вокруг меня, становился резче, сильнее. Он больше не шепчет. Слова, что приносит он, просты и ясны. Каждый может услышать их. Он говорит все то же: «Вставай. Иди! Проповедуй! Скажи им...поведай Благую Весть бедным. И помни, что беден каждый».

Я вспомнила, что среди всех этих людей самая бедная – это я. Я присела на пожарный кран. Да, я села на гидрант и осознала крайнюю бедность свою. Я ничего не могла, не могла даже подняться и пойти куда-нибудь или говорить о Благой Вести. Я чувствовала себя отупевшей, онемевшей, неспособной говорить. Да, я устала сверх всякой меры, данной человеку. Со всех сторон меня окликали голоса. И вдруг голоса эти стали подобны грому. Они надвигались на меня, и в них слышались слезы, и говорили они: «Говори с нами! Говори нам Благоую Весть, о Его любви к нам! Мы голодны. Мы жаждем. Мы посреди пустыни. У тебя есть вода. У тебя есть истина. Поделись с нами». И казалось, этот бескрайний крик людской пробился сквозь мою усталость, развеял мое отупение и отверз уши мои – ephphata.

Да, внезапно я обрела способность говорить, слушать, отвечать. И сквозь серую пелену усталости я заговорила. Я снова обратилась к людям ясным голосом, который, казалось, эхом отзывался в моем сердце и в ушах. Я говорила им, как сильно Он любил их, что за них Он умер, что Он был среди нас, что сейчас и во веки веков Он с нами. Я сказала им все это и еще многое. Когда я закончила говорить, я поняла, что теряю сознание. Я соскользнула с гидранта в этом сером, неопишимо отвратительном городе. Я упала на колени и возопила как бы с огромного расстояния: «Господи, помилуй».

Это все, что я могла сказать. Но я продолжала повторять: «Господи, помилуй; Господи, помилуй; Господи, помилуй!» Словно напев струился из глубины моего сердца. И ветер принес мне уже знакомый голос: слышала я его много раз. Сказал он: «Теперь ты знаешь, как измучен Я был, когда висел на Кресте. Но любовь побеждает усталость. Моя любовь победила».

Может быть, я восхожу на гору, но, честно говоря, я этого не вижу: местность совершенно ровная и зловонная. Впервые ощущаю я такой запах, куда бы ни пошла. Я пытаюсь сообразить, где я и что происходит. Восхождение на горы всегда связывается с запахом снегов или сосен или с другими приятными запахами. Но не в этот раз.

Я оглядываюсь и внезапно понимаю, что я там, где мое место в последние пятьдесят лет, в тех местах, которые люди зовут «трущобы», а работники социальной сферы называют депрессивными. Да, я была среди трущоб. Странно. Одна сторона, похоже, была отведена меньшинствам, к которым принадлежала и я: русским, югославам, украинцам, – одним словом, славянам. Другой район был отведен чернокожим. Третий – латино\*: южноамерикан, пуэрториканцам, чикано\*\*. Я была окружена людьми, чудесными людьми, но, конечно же, как выразились бы работники социальной сферы, «малообеспеченными».

Я вспомнила очень многое, как будто замелькали кадры кино. Картина за картиной появлялись передо мной и останавливались ненадолго, как будто бы сама картинка хотела врезаться в мое сердце и сознание. Я поняла, что живу с *humiliati*, с Божьими глупцами. Христос всегда был одним из них. Он был одним из неимущих, бедных, презираемых. Он был подобен человеку, ограбленному разбойниками, Его распяли вместе с другими преступниками. Он был раб. Он был беден, как Лазарь, евший крошки со стола богача.

Внезапно я очнулась. Я преклонила колени среди переполненных мусорных баков, из которых

---

\* Американцы латиноамериканского происхождения.

\*\* Американцы мексиканского происхождения.

вываливался мусор, и поцеловала землю: я была на святой земле. Я была среди humiliati – отверженных, забытых, тех, о ком никто не хотел заботиться, если не считать так называемого «пособия».

Картины стали меняться чаще. Я видела отцов и матерей, забившихся в свои углы. Иногда у них было кресло-качалка; иногда нет. Я вспомнила мисс О'Рейли. Я принадлежала к третьему ордену святого Франциска. Члены ордена отправлялись раз в месяц посетить «бедняков», как они выражались. Я не в восторге от идеи посещать бедных лишь раз в месяц. И хотя существовал Дом Дружбы, я навещала их часто – не потому, что я добродетельна, но потому что я знала: Иисус Христос среди них. Ведь Он был бедным. Быть среди них я считала великой честью. Там была маленькая мисс О'Рейли, вся скрюченная артритом, не способная выйти из дома. Я ходила для нее за покупками. Если бы она ела только то, что ей тогда выдавали в качестве пособия, она, возможно, умерла бы с голоду. И поэтому Дом Дружбы добавлял то небольшое, что имел, для мисс О'Рейли.

Затем картины снова начали меняться. Вот женщина, чью фамилию я забыла, – бедные не очень-то пользуются своими фамилиями. Ее звали Маргарита. У нее был сын лет пяти, он умирал от рака. Его сдали в приют. С ним обращались неплохо, но что такое приют по сравнению с материнской любовью? Картины растворились, будто не хотели показывать маленького мальчика, затерявшегося в большом сиротском приюте.

У меня самой однажды воспалилось горло. Персонал Дома Дружбы доставил меня в ближайшую больницу. Мы жили в Гарлеме. Но больница отказалась меня принять – видите ли, у меня не было никакой медицинской страховки. Я не получала пособия, и у меня не было никаких источников дохода. Короче, я не

подходила для бесплатного лечения. И меня привезли обратно.

Я никогда не забуду мягкость, доброту всех наших чернокожих соседей. У меня была очень высокая температура. И всегда кто-то был рядом, чтобы подать воды или сменить холодный компресс на моем пылающем лбу. Помню, когда температура немного снизилась, как какая-то женщина говорила: «Я все же добыла яйцо. У меня нет денег на покупку яиц, и я его выпросила. Старик в маленьком магазинчике на углу дал мне его. Доктор сказал, что она сможет его проглотить». Затем лихорадка снова схватила меня, и дальше я ничего не помню. Но я никогда не забуду доброту чернокожих людей, которую они проявили во время моей тяжелой болезни. Я всегда буду помнить их с глубокой благодарностью.

Кадры замелькали снова, но я слишком устала, чтобы рассматривать их. Время от времени я открывала глаза и вспоминала ... женщину, которая, как мне сказали, вселилась днем раньше в дом без отопления. Это было в начале тридцатых годов в Торонто, и там было много пустых домов. Кто-то сказал мне о ней, и я пошла провести ее. Она жила всего в двух кварталах от меня.

Картина, которую я увидела, врезалась мне в память навсегда. Трое маленьких детей в пальтишках жались к матери. Мать кормила грудью малыша, который уже умер. Но ребенок, прежде чем умереть, вцепился в грудь матери и держал ее в трупном окоченении.

Я остановилась. У меня появилось чувство, что вся комната медленно вращается вокруг. Я боялась, что упаду в обморок. Я не сказала ничего. Я не отняла ребенка от матери. Я вызвала полицейских. Когда они пришли (это были совсем молодые люди), я сказала:

«Надеюсь, у вас есть жены и маленькие дети. Смотрите и, к какой бы вы ни принадлежали конфессии, молитесь Господа, чтобы он пощадил город Торонто».

Тут я, наверное, потеряла сознание. Я не помню. Помню, кто-то брызгал мне в лицо холодной водой. А может быть, я и не теряла сознание.

Внезапно прекрасный Лик Христа, истощенного и изможденного, избитого римлянами, предстал передо мной. Я могла бы продолжать бесконечно, рассказывая о том, что видела. Хотя может быть лучше и не рассказывать. Но нет, я должна, я должна говорить об этом! Я должна пробудить вялые, инертные души и сердца людей. Я должна восстать и воззвать к людям: «Очнитесь. Измените жизнь свою. Начните другую жизнь. Делитесь! Делитесь! Делитесь тем, что имеете! Есть у вас доллар, поделите его. Отдайте двадцать пять центов бедным и оставьте себе семьдесят пять. Это ваша воля. Но как же вы не понимаете? Как же вы не видите? Или же мне взять вас за руку и рассказывать один за другим ужасы, которые я видела в богатейших городах мира? Рассказать? Я не думаю, что вы вынесете это. И я не могу выносить этих воспоминаний».

Я не взываю к вам из пропасти. Нет. Я стою на вершине какой-то горы, и голос мой достигает душ ваших. Да, конечно! Вы можете отмахнуться. Но тогда вы не уснете сегодня. Я говорю снова: «Вставайте! Сделайте что-нибудь. Поступите как христиане, как люди Христовы!»

Нет, я не кричала в этот раз. Я просто стояла среди бедных, и все они – чикано, чернокожие, другие меньшинства – вдруг воплотились в Христа, всемогущего, прекрасного Христа. Я смотрела на Него, а Он смотрел на меня. И тогда вновь налетел ветер. Было ли это Его слово, или ветер принес мне Его слова? Я не знаю. Но Он сказал: «Они, жадные, эгоистичные, безразличные, сами навлекли

на себя эту напасть. Я, бедный среди бедных, бедный среди богатых, по-прежнему среди таких, как Я. Молись, чтобы слезы твои не упали на каменные сердца людей, которые закрывают двери свои для всех, кроме себя самих».



## 7. Войны и слухи о войне

Гора по-прежнему огромна, и ее вершина кажется такой же далекой, как и прежде. Всю эту гору окружает удивительный мир и благодать. Кажется, поют бесчисленные хоры. Глядя с высоты этой горы – это не вершина ее, но все же очень высоко, – я вижу мир в смятении. Я вижу главы правительств, неспособные править народом. Всюду, где есть хоть чуточка демократии, люди, похоже, не доверяют своим правительствам.

Я оглядываюсь и осматриваюсь. С того места, где я стою, – а я стою, прислонившись спиной к скале, – я окидываю взором весь мир, как будто бы он четко нарисован на моих ладонях. И через глаза мои он глубоко врезается в мой мозг, сердце и душу. Наблюдая за ним, я начинаю чувствовать тяжесть тернового венца, который Бог возложил мне на голову с такой легкостью. Весит он немного и не очень много приносит боли. Но боль сегодня глубже, чем вчера. И все время вокруг меня веет ветер, иногда завывая, иногда нашептывая, как и полагается ветру, побуждая меня – на этот раз сурово – продолжать проповедовать Евангелие Господне.

Да, я знаю. Он так сказал. Евангелие проповедуют бедным. Это один из путей, которым доказал Он Иоанну Крестителю, что Он действительно Бог. Было много и других путей. Внезапно я поняла, что действительно должна проповедовать Евангелие. Я должна оторваться от скалы, что давала какую-то защиту от ветра на этой горе, и выйти на открытое место, чтобы голос мой зазвучал громко и ясно. Я слегка улыбнулась: я говорила о Божьем Евангелии так долго, так много раз! И все же я должна была проповедовать его снова. Быть может, слово «проповедовать» немного высокопарно для таких, как я. И все же я знала, что именно это нужно делать.

Я оторвалась от скалы и вышла на открытое место, откуда могла видеть весь мир. Если бы мир захотел посмотреть на меня, он мог бы меня увидеть. Единственное, чего бы он не смог увидеть, – это терновый венец: он был невидим. С терновым ли венцом или без него, но я открыла уста свои и заговорила. Я возвала ко всем народам мира, особенно к христианским, остановить братоубийство, прекратить захват заложников, прекратить запугивать людей терроризмом, прекратить терроризм.

Террорист – тот, кто ненавидит. Ненависть противна Богу. Я взывала к каждому громким и четким голосом, и он отражался от огромного камня, на который я опиралась. Я призывала возлюбить Христа, Который возлюбил нас столь сильно! Вновь и вновь старалась я, насколько хватало моих сил, повторять: «Послушайте! Он любил нас. Он настолько любил, что стал Человеком. Он настолько любил нас, что умер на Кресте. Он любил нас. Проснитесь! Возлюбите Его в ответ. Как только вы возлюбите Его ответной любовью, в тот же миг настанет мир. Мир придет в ваши сердца, и прекратятся войны. Да послушайте же! Послушайте, что говорит вам Тот, Кто возлюбил вас столь сильно. Откройте сердца ваши. Откройте души ваши Его словам. Стоит Он у дверей ваших, и вы никогда не слушаете Его. Вам не удастся принести мир на эту землю, если будете упорно оставаться глухими к словам Его». Я кричала, кричала и кричала. Больше я ничего не могла сделать. Говорить я уже не могла. Это был вопль из середины горы. Затем голос мой иссяк, и я чувствовала себя словно мертвая на камнях, что свалились с вершины горы. Я рыдала. Я плакала о Том, Кто любил нас столь сильно, и обо всех, кто не любил Его.

Мое сердце знало, что многие из тех, кто не слышал Его имени, разными путями восхваляли Его. Но

христиане убивали христиан. Христиане убивали мусульман. Каждый, казалось, одержим был братоубийством. И, падая, видела я тысячи, миллионы тех, кто погиб со времен Второй мировой войны. Казалось мне, я неспособна была более выговорить ни слова. Я лежала на камнях как мертвая.

И тут мир и благодать горы осенили меня. Вдруг поняла я, что Бог воистину среди нас, среди нас всех. Ради любви ко всем этим людям принял Он образ Человека, и для Него все народы одинаковы. Любовь разлилась над горой. Я встала. Ночь, звездная, но темная, просияла вдруг ярким светом. Из вершины горы поднялся Крест. Я могла видеть его со своего места. Непроизвольно я вскричала: «Смотрите, как сильно Он любит нас! Он умер на этом кресте». Но крест исчез.

Внезапно я вновь оказалась на излюбленном своем месте в Торонто, прося милостыню, и кто-то дал мне яйцо, а там никогда не подают яйца беднякам. Я принесла это яйцо домой как сокровище и сварила его. Раскрасить его было нечем, поэтому я положила его в клочок чистой тряпицы и попросила у моей хозяйки остатки кофе. В 1930 году кофе был дешев. Я сварила яйцо в кофе. Оно получилось ярко-коричневого, необычайно коричневого цвета, который, казалось, отражал мир, любовь и радость Господа. Я преклонила колени перед яйцом: это было необычное яйцо. Оно означало новую жизнь после воскресения. Я открыла уста свои, и из самой глубины моего сердца вышел старинный русский пасхальный приговор: «Христос воскрес!» Когда я собиралась повторить его во второй раз, за меня это сделал голос. Мы говорим на Руси: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Я сказала: «Христос воскрес!», – а голос подхватил: «Воистину воскрес!». «А теперь, – продолжал голос, – теперь ты

должна научить их возлюбить Меня так же, как Я возлюбил их».

Я не знаю, где я. И непохоже, чтобы я была на какой-либо горе, потому что вокруг меня тысячи людей кричат и вопят и грозят кулаками Богу. Я хочу убежать. Я хочу закрыть глаза и уши, чтобы не слышать. Они говорят о каком-то человеке и называют его шахом, и они в большом гневе. А я полагала, что мусульмане милостивы к врагам своим. Но затем я совсем растерялась. Потом внезапно я была уже далеко от них. Я посреди орущей, вопящей толпы в Америке. Это похоже на ярмарочную карусель, которую забыли выключить. И она кружится, кружится, кружится, кружится, и я кружусь вместе с ней.

Внезапно я очутилась в глубине Афганистана – оказываю помощь раненым. Горы в Афганистане очень суровы, и я с трудом бреду на своих пораженных артритом коленях за крытыми фургонами – за такими приходилось мне брести в юности. И те, и другие пользовались ими – русские давным-давно, а афганцы – сегодня. Но в Афганистане ли? Похоже, что я среди людей из Организации Освобождения Палестины. Они тоже кричат и вопят. Затем в мгновение ока я оказываюсь среди евреев, которые тоже кричат и вопят. Везде, куда бы ни взглянула я, идет война – то скрытая, то явная, то война дипломатий, то настоящая война, и люди убивают друг друга. Я похожа на человека, лишившегося чувств.

Но страх внезапно уходит, и я стою на некотором возвышении, на каком-то торчащем из земли камне. Я могу видеть отсюда всех этих кричащих и вопящих, полных злобы людей. Ветер тихо говорит: «Говорят же. Они все ненавидят. Расскажи им о любви».

Окруженная со всех сторон этими многотысячными, многомиллионными толпами, я – никто, ноль. И встала

я на этом возвышении, вдохнула побольше воздуха и возопила к небу, направляя голос свой и к земле тоже. Я воззвала ко всем: «Остановитесь! Остановитесь! Вы совершаете самоубийство. Вы убиваете то, что создано Богом. Убивать – это великий грех. Остановитесь! Остановитесь сейчас же и взгляните в глаза друг другу. Вы вовсе не ненавидите друг друга. Вы только так думаете. Да, я знаю. Я провела пятьдесят лет, служа бедным в Америке, в трущобах Торонто, в сельских глубинках. Я знаю, почему вопите вы и стенаете и воздымаете кулаки к Богу. Это не поможет, вы же знаете. Остановитесь и поймите. Это вовсе не Бог создал условия, в которых вы работаете и живете. Это богатые, это те, у кого власть, ввергли вас в бедность, в коей вы пребываете. Вы не должны ненавидеть их. Любите их. Соберитесь и выступайте против них, но без револьверов и гранат. Нет. Выступайте против них с любовью. Говорите им, что вы прощаете их».

Настало время примирения. Близится великое примирение Бога и человека. Мир вот-вот должен вспомнить, что Бог умер на кресте, на Кресте столь огромном, что он обнимает весь мир. Настал час примирения. Настал час прощения. Желаете ли вы ненависти? Нет. Далеко в глубине души, вашего сердца вы не хотите ненависти. Почему же не смотрите вы в глубину вашего сердца? Там вы встретите Христа. Вы сомневаетесь. Не сомневайтесь. Слушайте: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11, 28). Слушайте Его голос. Он освежит вас, и вы станете новыми людьми. Все вы, кто бы вы ни были – евреи, мусульмане, язычники, католики и протестанты, – станете новой расой людей. Вы станете расой людей, которые любят друг друга. Слушайте ветер. Пойдите тихонько. Ветер говорит Его голосом: «Для того пришел я на землю, чтобы вы

простили и возлюбили друг друга. Это принесет на землю Царство Божье. Аминь».

И снова я потеряла нить – где я и что происходит. По-прежнему я взбираюсь на гору. Гора огромная, она похожа на бескрайнее плато. Я сижу там на камне, а подо мной проходят, как в кино, картины, что возникают в моем сердце. Вот все великие царства древности. Я видела Вавилон, Египет, Рим, опустошаемый Аттилой и варварами. Я видела Александра, ограбившего весь мир. Я видела Чингисхана. А затем в течение некоторого времени я видела руины – да, руины этих царств и империй. Руины да руины. Руины на руинах. Затем появилась сильная Британская империя. Странно, не правда ли, сидя на камне, на горе Господней, я видела вокруг сплошную воду, и вдруг – маленький, незначительный остров. Внезапно из этого острова исторглась война, подобная прежним войнам. Затем почему-то она исчезла. Утонула ли она в воде или просто исчезла? Я не могла сказать. Столь многие из этих войн разваливались в разных местах. Я видела мою страну Россию, на четыре столетия покоренную татарами. Они тоже создали империю. Но у англичан была цивилизованная империя.

Затем, некоторое время спустя, пришла Америка – после Первой, а затем Второй мировой войны. Это были щедрые люди, которые давали все и всем, но и забирали что-то у каждого.

Все это шло вперемешку, пока я сидела на своем камне. Но самое странное в этих картинах было то, что сцены почти не менялись. Менялись одежды, цвета кожи у людей. Но толпы, убивающие друг друга, выглядели все одинаково.

Были ли вы когда-нибудь в толпе, чувствовали ли вы, что она делает с вами? Я это испытала. Когда я

была в России, правила толпа, а когда правит толпа, власти нет. Я слышала, как говорили и Ленин, и Гитлер. Да, я слышала. В одном ухе у меня все еще звучит медоточивый, покоряющий голос Ленина, а в другом – тонкий, истеричный, но очаровывающий и гипнотизирующий голос Гитлера. Когда я была в Германии, толпа вдавила меня в стену, и мне довелось услышать, как говорит Гитлер.

Толпа. Ее вопли впиваются в голову, как гвозди, а может быть, как терновые шипы. Вы теряете всякое соображение – где вы, что происходит. Целые столетия проходят у вас перед глазами. И все, что они приносят к вашим ногам, – война. Война и толпа.

С удивлением увидела я на секунду Человека на осле, въезжающего в какой-то город, и детей, бросающих пальмовые листья к ногам осла. Но это длилось лишь мгновение. И снова я видела толпу. Я видела, как толпа срывает и раздирает одежды на этом Человеке, смеется и глумится над Ним. Но Он чем-то выделялся. Все остальные восстания и революции, которые я знала или испытала на себе, казались ничтожными. Все эти толпы из прошлого остановились на мгновение в своем движении. На малую долю секунды лица всех повернулись к небесам, а затем они снова начали резню.

Вот тут-то, признаюсь, я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, дул ветер. Толпы не было. Ничего не было – только ветер. Ветер говорил со мной – он всегда говорит. Он сказал: «Вот почему ты здесь. Вот почему у тебя есть Дом Мадонны. Настало время и настал час свидетельствовать о Том, Кто был коронован терновым венцом. Все эти толпы, все эти сцены убийств, виденные тобой, были дозволены, дабы люди, пресытившиеся убийствами, могли обратиться к Богу, который не позволит обидеть и былинки».

И вскричала: «Но смотри же, о Ветер, приходящий ко мне во мраке ночи! Смотри, что творится все эти столетия!» И ветер отвечал: «Бог и человек должны примириться, Иисус Христос являл собой примирение. Настало время тебе склониться и надеть терновый венец на голову, идти с ним вперед и всюду проповедовать Евангелие».

Я поняла, что Дух Святой говорил со мной, и вновь вскричала: «Господи, я так устала! Я проповедовала Евангелие пятьдесят лет. Не пора ли мне отдохнуть?» Ветер стал почти неслышным. Невидимые руки возложили на мою голову терновый венец, и ветер принес слова: «Я дам тебе эти годы жизни, чтобы ты могла проповедовать Евангелие, ибо проповедуют столь немногие. С терновым венцом на челе ты выглядишь необычно, и люди, по крайней мере, обратят на тебя свои взоры – они любят все необычное. Но не страшись. Легко он покоится на челе твоём. Открой уста свои и проповедай Евангелие Мое, пока я не велю тебе идти домой».

Это обычный день. Я пытаюсь взобраться на гору Господню, но продвигаюсь не очень далеко: вес большой моего собственного тянет меня. Нет нужды обманывать себя или других. Если я должна проповедовать Евангелие – ибо для этого я рождена, – тогда у меня есть лишь слезы, которые я могу дать людям. Слезы, как говорят на Руси, омывают ваш грех и грех человечества.

Готовы ли вы плакать? Что ж, если да, то Господь будет умиловивлен. Но столь многие из вас не готовы плакать. Многие насмеваются над Иисусом Христом. Многие не верят в Него. И все же, несмотря на все насмешки и неверие, вы постоянно ищете Его – искатели Бога, которые не хотят Его найти. Что сказать вам? Как вызвать вас из норы убогой, в которую забрались вы? Вот, полюбуйте на себя в этой норе:



высокомерные и жадные, вы испуганы, чувствуете себя забытыми, одинокими, несмотря на все новомодные штучки. Что еще я могу сказать? У вас есть ключ к дверям сердца Христова. Вам надо только вставить ключ в замок, открыть сердце – и вы обретете мир. И мир придет на землю.

Но никто не хочет слушать, или же хотят очень немногие. Народы ненавидят народы и люди ненавидят людей. Кажется, что нет никакого выхода из этой ненависти, но выход есть всегда. Выход – это любовь Божья, милосердие Божье, доброта Божья и, превыше всего, вера, что вложил Он в сердца наши.

Есть ли в нас сострадание? Готовы ли мы помочь кому-то, если даже придется ущемить себя? Или же мы нисколько не заботимся о бедных, забытых *humiliati*? Моисей сказал фараону, что произойдет с ним, если он воспротивится воле Ягве. Так и случилось. Что ж, теперь настало время нам противиться воле Господа. Мы используем наш ум, науку и всевозможные изобретения, чтобы избежать инфляции и падения производства. Но не делаем мы одного: мы не падаем на колени и не умоляем Бога помиловать нас. Вот что нам следовало бы сделать! Почему же не делаем мы этого?

Овеял меня ветер, как и всегда, и говорит мне: «Продолжай проповедовать. Я знаю, что охрип голос твой. Я знаю, что устала ты. Но Екатерина, и Я был измучен и весьма хриплым был голос Мой, когда говорил Я с Иоанном и с Матерью Моей. Распятые говорят хриплыми голосами. Так отринь же страх. А что касается тебя, знай же, что Я пребуду с тобой до скончания времен».

## 8. Крест и Воскресение

Я заблудилась, но знаю, что иду на гору Господню. Ноги мои натываются на камни, булыжники, путаются в мягкой траве и снова натываются на камни. Я иду вверх по склону, и вдруг, откуда ни возьмись, на мои плечи падает тяжелый крест. Я несу его, как нес Господь, на одном плече. Затем через некоторое время я меняю плечо. Тяжел этот крест. Он волочится по земле. Я устала и обессилена. И кажется мне, всего только и есть на свете, что гора, я и крест на моей спине – гора, я, крест.

Что же означало все это во мраке ночи? Внезапно тьма озарилась багровыми вспышками молнии с громом. Все пылало. И я не понимала, есть ли я или нет меня уже. Встревоженная и испуганная, я все же шла. И где-то, хоть я не узнала этого места, увидела я множество людей. Я остановилась. Крест глубоко врезался мне в плечо, но неизменный ветер шептал на ухо: «Господи». Зачем это? – поражалась я. Ведь во мне уже не оставалось ни слова, ни голоса. Я почти ползла под крестом моим.

Но откуда-то во мне проснулись неожиданные силы. Я немного распрямилась и обратилась к людям. И говорила я с ними из самой глубины моего сердца. Вначале говорила очень медленно. Но затем укрепились я и смогла донести им то, что было в сердце. И вскричала я к ним. И говорила я: «Слушайте, люди Божьи. Слушайте. Вы слышите гром этот, вы видите эти молнии! Темна ночь. Но Бог с нами. Он так сказал. Он пребудет с нами до скончания века. Распрямите ваши спины. Ведь на них нет креста. Во всяком случае, я его не вижу. Наверное, у каждого из вас есть свой крест. Но распрямите же спины, как силюсь я распрямить свою. Люди Божьи, голова ваша – Христос, вы – Тело Христово, Невеста Его. Слушайте, слушайте, слушайте! Времени так мало! Вы уже

забыли год снежных заносов? Это было лишь в прошлом году. Вы забыли наводнение – оно было в этом году? Разве не видите вы знаки и знамения милости Божьей? Разве не видите? Бог предупреждает вас этими знаками и знамениями».

Помните ли вы Ноев ковчег? Тогда был потоп, и потоп этот может повториться. Но потоп небывалый. Слушайте люди! Слушайте, слушайте, слушайте! Величайшее наводнение, что окружает нас, – в нас самих. Из нас самих, так можно сказать, и выходят эти бедствия – наводнения и снежные заносы. Если мы останемся такими, какие мы есть, нас поглотит потоп, унесет, как паводок – обломки льда. Слушайте, люди, слушайте! Тот, кто отрицает Иисуса Христа, говорит, что не с Ним он, тот против Него. Хотите ли вы идти против Бога?»

Люди, все вы, христиане, евреи и мусульмане, запомните. Коран говорит, что милосердие к врагу есть часть веры. Сказано, кто милосерден, к тому милосердие будет. Будут ли милосердны к нам? Я не знаю. Тяжек крест на спине моей, и взываю я к тем, кого держат заложниками во многих странах. Я плачу вместе с их близкими. И не одна я плачу. Христос оплакивает их и Божья Мать. И Она плачет. Настало время просветления веры вашей. Веруйте! Веруйте! Я заклинаю вас.

Слышите ли вы меня? Высока гора Божья, но голос мой крепнет и крепнет. И все же вы проходите мимо, будто и не слышите. Я никто, совершенно никто. Но Бог может избрать каждого, даже такое ничтожество, как я, быть устами и языком Его. Забудьте обо мне. Слушайте голос Бога. Слушайте ... Слабеет голос мой. Все тяжелее и тяжелее крест. Я падаю под ним, и на устах моих – дорожная пыль. Да, я никто, но по какой-то непонятной причине – мы узнаем ее, лишь когда предстанем пред Богом, – Он избрал меня, чтобы

говорить с вами, и я делаю это, невзирая на крест, вдавивший меня в пыль.

Ветер приносит слова: «Ты там, где был и Я. Ты разделила Мою боль. Крест был тяжел. Это правда. Но Я с вами до скончания века. Я с вами всеми. Вы дети Мои, потомки Отца Моего. Я люблю вас. Пока вы и Я – в пыли, мы любим друг друга, и это значит, любим весь мир».

Сегодня Страстная Пятница, но я почему-то нигде, разве лишь на горе Господней.

Как бы то ни было, я пытаюсь взобраться на нее, хотя сегодня вершина дальше, как мне кажется, чем вчера. Все неясно, расплывчато, туманно. Все, кажется, лишено смысла. Но знает сердце мое, что в Нем – величайший смысл, в Нем – самая реальная действительность, в Нем – вся красота. Хотя настагающий меня ветер силен, резок и уже не нашептывает. Он говорит, как может говорить только ветер. Слышали ли вы когда-либо ветер, который по-настоящему говорит с вами? Мой ветер говорит со мной разными словами: «Почему не проповедуешь ты Евангелие громче, громче? Сегодня Страстная Пятница. Сегодня день, когда Он умер за нас. Встань там. Не беспокойся о том, где ты находишься. Вот камень, возвышение. Встань на него, и пусть услышат твой голос».

Но я отвечаю ветру, что голос мой слаб и я очень устала. Все кажется туманным, бесформенным, и в сердце моем такая боль, что думаю, не смогу высказать и слова, не говоря уже о проповеди. Но ветер гневается. Он становится ураганом. Мне трудно идти против него. И кажется мне, что говорит он отчетливо: «Настал час, настал миг проповедовать Евангелие. Он умирает за это. Смотри на Него. Он распят. Это Его любовь разлита под стопами твоими.

Смотри, как истекает кровь из тела Его. Он обнажен. Евреи и римляне не имели нашего пуританского отношения к нагоде. Вот Он, обнаженный. Из тысячи ран истекает Его кровь, а ты будешь молчать? Ты не откроешь рта? Не станешь проповедовать миру о любви Божьей к людям? Не дашь людям чашу примирения? Ведь Он явился для этого».

Грешный Адам, посредине Христос, примиряющий Адама и Бога, человечество и Бога. Послушай! Говори же, ибо ты должна. Неважно, если книга твоя никогда не будет опубликована. Это книга, созданная твоей душой, твоим разумом. Чтобы заговорить так, как Мы хотим, тебя нужно распять на другой стороне этого креста. Тогда ты будешь говорить. Ты многого не скажешь. Двум распятым людям говорить непросто. Но то, что скажут они, останется в сердцах людских.

Ты должна делать только одно: зимой и летом: днем и ночью должна ты возвещать криком своим всему миру о Его любви к людям. Твой голос кажется тебе тихим, неслышным, неспособным кого-либо взволновать. Ты ничего не знаешь о том, что Бог сотворил в тебе. Открой уста и говори, даже если крутизна Голгофы, которая ведь тоже часть горы Господней, слишком тяжела для тебя. И если падаешь ты и ударяешься лицом о камни, не останавливайся! Говори им. Давай же! Говори им. Зови их. Умоляй их. Вот сейчас ты лежишь здесь ничком, с избитым до синяков телом, все равно зови людей возлюбить Бога, чтобы они могли обрести мир, радость, любовь и надежду, и чтобы все они стояли, сидели или лежали в тени дерева веры. Настал твой час! Открой уста и говори!

Я слушаю ветер и думаю, что, пожалуй, мне следует посетить доктора, психиатра, который знал бы, что делать со мной, избитой и покрытой синяками от острых камней, среди которых я лежу на этой горе.

Но вдруг ветер стихает. Сияет солнце. И где-то, чудится мне, шелковая завеса разрывается надвое. Я поднимаю взор свой и вижу, что Бог умер. Я в недоумении, что же происходит. Но ничего не происходит. С высоты креста Он говорит: «Все хорошо, Екатерина. Все хорошо. Отправляйся теперь спать, дитя Мое, и приходи через три дня. Будешь свидетельницей Моего воскресения. Аллилуйя!»

Чудесный весенний день. Цветущие яблони наполняют все вокруг своим ароматом. В лесу расцвели тысячи небольших деревьев, о существовании которых вы и не подозревали. Скромно, просто, мягко наполняют они все чудным своим ароматом обновленный мир.

Мое сердце наполняют мысли о воскресении Господнем. Я по-прежнему иду к вершине Божьей горы, но идти теперь легко: весна расстелила под моими стопами зеленый ковер. Да, все возвращается к жизни, и сердце мое счастливо. Как ни странно это может показаться, некоторые люди прислушиваются. Вчера было совсем по-другому. Все живет. Все красиво. Но, прежде всего, прекрасны сердца людей. Они слушают. Они слушают Божье слово. Да, это кажется странным, я не привыкла к людям, которые слушают. Я привыкла проливать слезы на их каменные сердца. Но сейчас нет каменных сердец. Те, кого вижу я, кого слышу, слушают:

«Сколь прекрасны чудеса Твои, о Господи! Это воистину чудо: человек остановился вдруг на пути алчности, себялюбия и всего, что ведет его к врагу Твоему, повернулся вдруг и начал слушать. Да, ликует сердце мое. Зеленая трава чудным ковром стелется мне под ноги. Кажется, тысячи запахов, что источают цветущие яблони и всевозможные деревья, скрытые в лесу, смешиваются, образуя благовония, и, разливаясь по золотым сосудам, веют на вас. Прелесть его почти

невыносима. Я не знала, что благовоние может быть столь прекрасным, но теперь знаю».

Да, они слушают. И не только слушают, но и воплощают в жизнь слова, которые слышат. Вот она, жизнь евангельская, безо всяких отступлений. И столь многие идут в пустыню, чтобы остаться один на один с Богом. Глядя с какого-то возвышения, я вижу, как собираются они вокруг епископа или священника, и слышу я звуки хора, подхватываемого людьми, который, торжествуя, провозглашает: «Верую!» И кажется мне, что парю я между небом и землей, ибо и не ждала я, что случится такое, хоть и молилась, чтобы это сбылось.

Однако кое-где вдали собираются темные тучи. Всякий раз, когда здесь распевают «Верую», на другой стороне собираются темные тучи и проливаются дождем мертвецов. Никогда я не видела столько мертвецов, хотя и бывала на войне. Они идут отовсюду. Они идут из Чада. Они идут из бескрайней пустыни Сахара. Они идут из Афганистана, страны гор. Они идут отовсюду. Газеты возвещают смерть: сто погибших за день здесь, двести погибших там. Они поднимаются по золотой лестнице, о которой поют чернокожие. Возглавляет их шествие архиепископ Ромеро из Сальвадора, который был застрелен у алтаря.

По одну руку слышу я благостное пение «Верую». По другую руку я слышу стоны, предсмертные крики. Я не понимаю, что происходит, ибо по-прежнему зелен и шелковист луг у меня под ногами. Воздух полон ароматов, которые деревья, садовые и лесные, возносят к Господу. Кое-кто из людей поет «Верую». Повернув голову, я вижу убийства и череду мучеников, восходящих по золотой лестнице. Как я уже говорила, я нахожусь каким-то образом между небом и землей. Чувствую, что стопы мои не касаются более зеленого

луга, а сладкий аромат, возносимый Господу цветами и деревьями, смешивается со сладковатым запахом смерти.

Мне очень нравится прибирать тела людей после их смерти. Это великая честь и благословение. Я занималась этим в госпитале. И все говорили: «Попросите Катю. Она это любит. Она сделает это очень хорошо». И я делала. Когда старшая медсестра вошла и спросила: «Почему тебе нравится заниматься такими делами?» – я сказала: «Потому что погребение мертвых – одно из богоугодных дел милосердия. Я ведь можно сказать, готовлю их к встрече с Богом». Она ничего не сказала и ушла прочь.

Но сейчас я между небом и землей. Вот она гора, на которую мне еще предстоит взбираться. Но я не касаюсь этой горы. Я восхожу, не касаясь ее. Сладкий аромат деревьев смешивается с запахом мертвых. Столь много их видела я. Я не знаю, что делать. Сердце мое радуется за тех, кто распевает «Верую» и идет по стопам Христа. Сердце мое погибает тысячьоу смертей и оmyвается собственными слезами: брат убивает брата. Я растерялась и потеряла путь.

Повеял ветер, как и всегда, и голос, тот же голос что и всегда, говорит мне: «Подумай о воскресении. Смотри, все деревья возрождаются к жизни. И те, кто умерли, тоже вернутся к жизни вновь. Настало время вам воспеть Аллилуйя».

Год 1980-й. Пасхальное Воскресение. Вершина горы моей по-прежнему сурова и недосыгаема. Густые черные тучи покрывают ее. Дождя нет, но камни почему-то скользкие, и взбираться по ним трудно. Но я знаю, что должна взобраться по ним на какой-нибудь камень побольше, чтобы встать на него и выкрикивать в темноту ночи Евангелие Господне.



Сегодня день Воскресения. Несколько дней назад Он сказал: «Вот плоть Моя; вот кровь Моя», – и установил Тайную Вечерю. Он сказал, что мы должны всегда отмечать ее во имя Его, в ознаменование той великой веры, что была у Него и что дал Он всем, кто желал. А еще сказал Он, что оставляет нам новую заповедь, чтобы мы возлюбили друг друга, как Он возлюбил нас.

Наконец добралась я до своего камня, что был выше всех остальных. Пасхальное Воскресение было не очень-то похоже на Пасхальное Воскресение. Я стояла на этом большом камне, таком скользком, и знала, что должна проповедовать те самые слова, что Он сказал. Я должна была встать там и сказать всем, чтобы возлюбили они друг друга так, как Он возлюбил нас. Но как это может быть? Стоя на этом скользком камне, я спросила себя: «Как это может быть, чтобы человек возлюбил так, как любил Он?» Но, очевидно, раз Он так сказал, это возможно. Каким чудом, уже и не знаю. Как эта любовь войдет в мое сердце, в ваше сердце, в мою душу, в вашу душу, не знаю. Я знала то, что знала. Я знала откуда-то из глубины существа своего, что для некоторых Он сделал это возможным, и странные эти люди, которых зовем мы пророками с давних пор, взывали, подобно Моисею: «Идем же, о народ мой».

Да, конечно, вот что мы должны сказать, вот что я должна сказать. Стоя на скользком камне, что возвышается над всеми другими камнями и все же весьма еще далек от вершины, я должна была взывать своим слабым голосом, который подхватил ветер и сделал его очень громким безо всяких электрических приспособлений. Я слышала мой собственный голос далеко-далеко, где-то в Китае, где-то в Африке, но, прежде всего, я слышала его именно здесь, в этой стране. Он дрожал от боли, и я поняла, что в это

Пасхальное Воскресение я уже готовилась пойти по Его стопам боли и страданий. Это русская идея, конечно, а может быть, общекатолическая идея: за радостью Пасхи должны следовать муки Креста, а за муками Креста должно следовать веселье Пасхи. Этот круг, который не должен прерывать никто из верующих в Бога. Я верю в Него. Я верю в Него всем сердцем, всей душою, всем разумением моим.

Я знаю, это так глупо верить в Бога сегодня. Но мне все равно! Стоя на этом скользком камне, я возвещаю всем и каждому, и благодаря ветру голос мой разносится далеко и широко. Я возвещаю, что возлюбила Бога и призываю всех возлюбить Его. Я молю Господа, который есть Любовь, отворить двери людских сердец. Я знаю, что Он может сделать это, только если люди позволят Ему, но что я могу сделать? Пасть ниц на скользком этом камне и умолять Его, молиться Ему, чтобы смог Он открыть сердца их для Его любви.

Ветер крепчает. И все же сквозь шум его я слышу послание мира, радости, и знаю, что Бог говорит мне: «Да, это правда. Я восстал из мертвых. Гробница Моя пуста, Екатерина. Идти туда незачем, ибо теперь Я в каждом. И если ты любишь кого-то, ты любишь и Меня. Таково послание Мое. И, чтобы помочь вам в этом, Я преподаю вам с любовью Хлеб и Вино, дабы они укрепили вас».

КНИГИ ЕКАТЕРИНЫ ДЕ ГУК ДОХЕРТИ (КОЛЫШКИНОЙ) НА  
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Апостольская нива  
(только в интернете)
- Беседы на Страстной Неделе  
(только в интернете)
- Дорогой отец  
(в интернете и как печатные издания)
- Дорогой семинарист  
(только в интернете)
- Истории русской странницы  
(в интернете и как печатные издания)
- Каждый день – благодать  
(только как печатные издания)
- Крестный путь  
(в интернете и как печатные издания)
- Молчание Бога  
(только в интернете)
- Моя Вчерешняя Россия  
(только в интернете)
- На груди Господа  
(только в интернете)
- На кресте отверженности  
(только как печатные издания)
- Пустыня  
(в интернете и как печатные издания)
- Рождественские колокола  
(в интернете и как печатные издания)
- Самородки  
(в интернете и как печатные издания)
- Сердце Богородицы  
(в интернете и как печатные издания)
- Свет надежды  
(только в интернете)
- Странник  
(только в интернете)
- Юродивые христа ради  
(только в интернете)

По территории России эти книги вы можете заказать наложенным платежом по адресу:

123104 г. Москва,  
а/я 24  
Новое Книжное Агентство?

Или по электронной почте [post-katalog@yandex.ru](mailto:post-katalog@yandex.ru)

По вопросам приобретения книг обращаетесь по адресу:

Книжный магазин «Primus Versus»  
Покровка, 27, стр. 1,  
105062 Москва  
Тел. (495) 223 5810  
E-mail: [primusversus@mail.ru](mailto:primusversus@mail.ru)  
Website: [www.dbiblio.org](http://www.dbiblio.org)

Адрес в России Дома Мадонны, общины основанной Екатериной де Гук Дохерти:

660021 г. Красноярск  
Дом Мадонны  
Проспект Мира, д. 158, кв. 12  
E-mail: [mhkrasnoyarsk@mail.ru](mailto:mhkrasnoyarsk@mail.ru)  
E-mail: [russia@madonnahouse.org](mailto:russia@madonnahouse.org)

За пределами России заказывайте книги по адресу:

Madonna House Publications  
2888 Dafoe Rd. RR 2  
Combermere, Ontario K0J 1L0  
Canada